

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Проблемы гражданского права и процесса

Сборник научных трудов

Под редакцией доцента В. В. Бутнева

Выпуск 5

Ярославль
ЯрГУ
2015

УДК 347:347.9(082)
ББК Х623я43+Х629.я43
П 78

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом ЯрГУ
в качестве научного издания. План 2015 года*

Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. тр.
П 78 / под ред. доц. В. В. Бутнева; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова.
– Ярославль : ЯрГУ, 2015. – Вып. 5. – 104 с.

ISSN 2312-2366

В сборнике продолжается исследование актуальных проблем наук гражданского и гражданского процессуального права в соответствии с научно-исследовательской темой кафедры.

Предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов, а также для практических работников-юристов.

Предложения авторов могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства и практики его применения.

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доц. В. В. Бутнев (отв. редактор)
канд. юрид. наук, доц. В. В. Грачев
канд. юрид. наук, доц. Е. Я. Мотовиловкер
канд. юрид. наук, доц. В. Б. Чуваков
канд. юрид. наук, доц. О. М. Роднова (отв. секретарь).

УДК 347:347.9(082)
ББК Х623я43+Х629.я43

© ЯрГУ, 2015

Гражданско-правовая ответственность и «смежные» правовые категории

В статье анализируется понятие негативной гражданско-правовой ответственности и его соотношение с понятиями государственного принуждения, санкции правовой нормы, мер защиты субъективных гражданских прав.

Ключевые слова: юридическая ответственность, защита субъективных прав, охранительное правоотношение, государственное принуждение, санкция правовой нормы, способ защиты субъективных гражданских прав.

Проблемы ответственности, государственного принуждения, санкции правовой нормы, мер защиты субъективных прав и интересов всегда привлекали внимание ученых-юристов¹. Они не утратили актуальности и в наше время, особенно в связи с масштабными изменениями гражданского законодательства и проводимой в стране судебной реформой.

Существующие в литературе концепции негативной юридической ответственности так или иначе связывают ее с понятиями государственного принуждения и санкции. Возникает необходимость разграничения этих явлений.

Юридическая ответственность и принуждение – понятия хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные. Государственное принуждение – это основанное на нормах права властное воздействие, оказываемое компетентными органами государства на участника общественной жизни с целью реализации лежащих на нем юридических обязанностей, не исполняемых добровольно. Не следует понимать принуждение слишком широко, как это делает,

¹ См., напр.: Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 52–79.

например, С. Н. Братусь. Наряду с физическим или фактическим принуждением (меры уголовной, административной ответственности, взыскание штрафа, изъятие вещи у недобросовестного приобретателя и т. д.) он выделяет категорию психического принуждения (воздействие на волю принуждаемого угрозой применения фактического принуждения). По мнению С. Н. Братуся, психическое принуждение имеет место тогда, когда должник исполняет судебное решение, не дожидаясь применения к нему мер исполнительного производства. Более того, лицо, внутренне несогласное с требованиями закона, но исполняющее их из боязни наказания, по мнению С. Н. Братуся, действует под психическим принуждением².

Главным недостатком такой концепции является нечеткость, расплывчатость понятия принуждения. В этом случае оно фактически отождествляется с правовым регулированием вообще. Действительно, устанавливая юридические обязанности, государство ограничивает свободу граждан и тем самым как бы «принуждает» их к определенному поведению. Однако эта черта правового регулирования раскрывается через категорию обязательности права, а не его принудительности.

Основываясь на критикуемой концепции, невозможно отличить добровольное исполнения обязанности от исполнения под психическим принуждением, поскольку критерий такого разграничения лежит исключительно в сознании субъекта права (исполняет он требования права потому, что убежден в их справедливости или только под угрозой наказания) и никак не проявляется вовне. Следовательно, выделение категории психического принуждения не вызывается практической необходимостью.

Следует согласиться с мнением О. Э. Лейста в том, что «обязательность ... права не тождественна его принудительности. Принуждение в механизме правового регулирования ... отношений не занимает ведущего места по той причине, что надобность в его применении возникает лишь тогда, когда в этом механизме происходит срыв, перебой, требующий устранения с помощью мер государственного принуждения. Оно носит не «общенормативный

² См.: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 50–61.

характер» («психическое принуждение»), а применяется на основе закона в конкретных, индивидуализированных отношениях, которые (в подавляющем большинстве) возникают в связи с правонарушениями и применением санкций»³.

Таким образом, государственное принуждение – резервное средство механизма правового регулирования, элемент его правоохранительного, а не регулятивного «блока». Необходимость его применения возникает в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением юридических обязанностей. В этой связи вызывает сомнение трактовка как принудительных мер некоторых мер, применяемых для решения государственных задач в экстремальных ситуациях (в условиях военного положения, стихийных бедствий и т. п.), – ограничение въезда в зону стихийного бедствия, введение комендантского часа, реквизиция имущества⁴. Данные меры имеют иную природу, они связаны с изменением режима правового регулирования в экстремальных ситуациях. Такую же природу имеют меры охраны особо важных государственных объектов, правительственных зданий, изменения правил дорожного движения в связи с проведением массовых общественно-политических мероприятий (митингов, демонстраций), а также досмотр багажа, личный досмотр, проверка документов и т. д. Сами по себе они не являются принудительными мерами. Государственное принуждение применяется к лицам, нарушающим соответствующие режимные правила, не подчиняющимся установленным ограничениям.

Вместе с тем государственное принуждение не следует сводить к конечному акту воздействия на нарушителя юридических обязанностей. Принудительный характер носит, например, само решение компетентного органа о наложении штрафа, а не только принудительное взыскание этого штрафа. В этой связи следует отметить, что законодательство иногда использует термин «принуждение» в более узком значении этого слова. Так, судебное

³ Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 13–14.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 137; Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 269–270.

решение об удовлетворении иска, несомненно, носит принудительный характер для ответчика. Однако закон (ст. 30,43 ФЗ «Об исполнительном производстве») допускает даже после вступления решения в законную силу добровольное его исполнение должником или заключение мирового соглашения между взыскателем и должником. Вызывает сомнения утверждение М. А. Гурвича о том, что «принуждение несовместимо с добровольным исполнением: либо одно, либо другое»⁵. Видимо, речь должна идти о различных уровнях правового принуждения, различной степени его выраженности.

Государственное принуждение – один из способов реализации юридических обязанностей. Другим способом является добровольное исполнение обязанности самим обязанным лицом. С помощью государственного принуждения могут исполняться обязанности, не являющиеся юридической ответственностью. Вместе с тем в ряде случаев (главным образом в гражданском праве) ответственность может быть реализована правонарушителем добровольно, без вмешательства государственных органов. Следовательно, государственное принуждение не тождественно юридической ответственности. Это один из способов ее реализации.

Учитывая изложенное, следует отвергнуть имеющие место в литературе определения юридической ответственности как меры государственного принуждения, применяемой к правонарушителю⁶, исполнения нарушенной обязанности под воздействием государственного принуждения⁷, обязанности претерпевания мер государственно-принудительного воздействия⁸, вида и меры принудительного претерпевания правонарушителем лишения благ, непосредственно ему принадлежа

⁵ Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 131.

⁶ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970. С. 39.

⁷ См.: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. С. 4.

⁸ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 377.

щих⁹, и т. п. Все эти определения или отождествляют ответственность с принуждением, или подчеркивают ее принудительный характер, т. е. делают акцент на одну из возможных форм ее реализации, не учитывая другой формы (добровольной реализации).

Нельзя, на наш взгляд, поддержать попытки определения юридической ответственности через категорию санкции. Как справедливо отмечается в литературе, понятие санкции многозначно. Оно обозначает не только порицание, но и одобрение поступков (например, санкционирование отдельных действий прокурором), в силу чего само нуждается в разъяснении¹⁰. Чаще всего под санкцией понимают часть правовой нормы. При этом наибольшее распространение в правовой науке получило определение ответственности как реализации санкций правовых норм¹¹. Но если санкция, по мнению сторонников данной точки зрения, — указание на возможность наступления невыгодных последствий правонарушения, то юридическая ответственность — это действительные невыгодные последствия, лишения, применяемые к правонарушителю. Таким образом, санкции и ответственность соотносятся между собой, по мнению этих ученых, как категории возможности и действительности.

Сторонники данной точки зрения придерживаются распространенного в науке мнения, согласно которому санкция юридической нормы есть указание на меры государственного принуждения, которые подлежат применению к нарушителю диспозиции нормы¹². При этом специфика правовой нормы

⁹ См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 103.

¹⁰ См.: Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. М., 1975. С. 5–7; Петелин А. И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976. С. 26.

¹¹ См.: Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 54.

¹² См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Тория государства и права. М., 1940. С. 252; Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. С. 7 и след.; Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 223, 225; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 232.

усматривается в обеспечении ее государственным принуждением, в отличие от других социальных норм, таким принуждением не обеспеченных¹³.

Однако правовые последствия неисполнения юридических обязанностей разнообразны и не сводятся к мерам государственного принуждения. Так, сам кредитор без обращения к органам государства может применить к неисправному контрагенту меры оперативного воздействия¹⁴. В ряде случаев нарушитель юридических обязанностей не достигает той цели, к которой он стремился, вступая в правоотношение («санкция ничтожности»). Например, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться на свидетельские показания (ст. 162 ГК); при приеме работы, выполненной подрядчиком, заказчик, не заявивший немедленно о недостатках работы, теряет право в дальнейшем ссылаться на эти недостатки (ст. 720 ГК) и т. д. Все эти последствия не могут быть признаны мерами государственного принуждения.

Если согласиться с тем, что санкция включает в себя только указание на меры государственного принуждения, то остается без ответа вопрос, к какому структурному элементу нормы относятся другие неблагоприятные последствия нарушения диспозиции. Они не могут быть отнесены ни к гипотезе, ни к диспозиции нормы, поскольку их цель состоит в обеспечении диспозиции, они «вступают в действие» после ее нарушения. Если эти последствия не включать и в санкцию нормы, то им вообще не находится места в механизме правового регулирования, они «повисают в воздухе».

Учитывая все сказанное, следует прийти к выводу, что под санкцией правовой нормы следует понимать указание на любые юридически неблагоприятные последствия нарушения диспозиции¹⁵.

¹³ См.: Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. С. 7 и след.

¹⁴ См.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С. 187.

¹⁵ См.: Теория государства и права. М., 1955. С. 344; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 63; Пиголкин А. С.

В санкцию включаются как меры ответственности, так и другие юридически неблагоприятные последствия. Наступление невыгодных последствий нарушения диспозиции не всегда является реализацией ответственности. Ответственность — только одно из возможных последствий нарушения диспозиции¹⁶.

Важное теоретическое и практическое значение имеет разграничение мер юридической ответственности и мер защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов. Защита субъективных прав и юридическая ответственность — тесно взаимосвязанные явления. Меры ответственности, являясь юридически неблагоприятными последствиями для правонарушителя, в то же время выступают благом для потерпевшего, средством восстановления его нарушенного правового положения. Таким образом, реализацию юридической ответственности можно назвать другой стороной защиты субъективного права¹⁷. Этот вывод вытекает из характеристики охранительного правоотношения, возникающего между правонарушителем и потерпевшим в результате правонарушения. В содержание такого правоотношения входят право потерпевшего на защиту и корреспондирующая ему юридическая ответственность правонарушителя (его обязанность претерпеть юридически неблагоприятные последствия правонарушения). Само защищаемое субъективное право лежит за пределами охранительного правоотношения, входит в содержание регулятивного правоотношения, существовавшего до правонарушения. Защита права происходит путем реализации юридической ответственности и корреспондирующего ей права

Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 178, 181–182; Курылев С. В. Санкция как элемент правовой нормы // Сов. государство и право. 1964. № 8 С. 48 и др.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Бутнев В. В. Санкция правовой нормы и юридическая ответственность // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978. С. 48.

¹⁷ См.: Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 34.

на защиту¹⁸. Так, при удовлетворении иска о выселении за невозможностью совместного проживания реализуется право истца требовать выселение ответчика (ст. 91 ЖК) и корреспондирующая ему ответственность ответчика, а защищается право истца на жилое помещение (ст. 1 ЖК). При возмещении вреда, причиненного имуществу, реализуется право потерпевшего на возмещение причиненного ущерба и обязанность правонарушителя возместить ущерб (ст. 1064 ГК), а защищается право собственности (ст. 209 ГК) или охраняемый законом интерес потерпевшего. Применение мер юридической ответственности может, следовательно, рассматриваться в качестве способа защиты субъективных прав¹⁹.

Проблема защиты субъективных прав, однако, носит более широкий характер. Защита права может быть не связана с реализацией юридической ответственности. Главным основанием охранительных правоотношений выступает правонарушение. Однако это далеко не единственное их основание. Охранительные правоотношения могут возникнуть в результате объективно противоправного деяния. Кроме того, в сфере гражданско-правового регулирования охранительные правоотношения могут возникнуть в результате различных видов помех к нормальному использованию права (разного понимания сторонами своих прав и обязанностей, неопределенности в правовом положении заинтересованных лиц, споров и разногласий между ними и т. п.)²⁰.

¹⁸ См.: Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1974. С. 11; Бутнев В. В. Гражданский процесс как одна из форм реализации юридической ответственности в эпоху развитого социализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981. С. 8, 13–14; Крашенинников Е. А. Природа норм гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1983. С. 6.

¹⁹ См.: Бутнев В. В. Юридическая ответственность как способ защиты субъективных прав и интересов // Правовое государство. Тарту, 1989. С. 113–119.

²⁰ См.: Елисейкин П. Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. С. 6.

Поэтому не любая мера защиты является в то же время мерой ответственности. Иногда различие между мерами защиты и мерами ответственности понимается слишком упрощенно. По мнению П. А. Варула, меры ответственности применяются при наличии вины правонарушителя, а меры-защиты – при отсутствии такой вины²¹. Различия между ними, однако, более глубоки. Негативная юридическая ответственность характеризуется признаками осуждения поведения правонарушителя, государственным принуждением (или его возможностью), дополнительными обременениями для правонарушителя и возникает в результате правонарушения (деяния, обладающего всеми признаками состава правонарушения). Охранительные меры, не обладающие хотя бы одним из признаков юридической ответственности, должны быть отнесены к мерам защиты²². И меры защиты, и меры ответственности – инструменты охранительного механизма права, а не механизма позитивного регулирования.

Тенденцией развития законодательства России последних лет является неуклонное наполнение конституционного права на судебную защиту реальным содержанием за счет совершенствования отраслевого законодательства. В изменениях, вносимых в Гражданский кодекс РФ, четко прослеживается линия на совершенствование способов защиты гражданских прав. В качестве последствий злоупотребления правом недобросовестным лицом п. 4 ст. 10 ГК РФ указывает возможность требовать возмещения убытков, причиненных таким злоупотреблением. Перечень способов защиты гражданских прав дополнен таким способом защиты, как признание недействительным решения собрания (абз. 5 ст. 12 ГК РФ). Ст. 161 ГК РФ закрепляет право граждан и организаций на компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. В качестве способа защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан в праве теперь требовать удаления

²¹ См.: Варул П. А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллин, 1986. С. 58.

²² О разграничении мер защиты и мер ответственности см.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. С. 280–282.

соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения порочащих сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения (п. 4 ст. 152 ГК РФ). Дополнительные гарантии охраны частной жизни гражданина введены ст. 1522 ГК РФ. Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. №68-ФЗ, повлекшим соответствующие изменения процессуального законодательства, гражданам предоставлено право требовать компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Перечень примеров можно расширять бесконечно, поскольку они отражают устойчивую тенденцию законодателя на расширение способов защиты гражданских прав и совершенствование уже существующих способов защиты.

В свое время, анализируя способы защиты субъективных гражданских прав, закрепленные в ст. 6 ГК РСФСР, я пришел к выводу, что единственным способом защиты права, безоговорочно относящимся к мерам юридической ответственности, является взыскание неустойки²³. С тех пор как отмечалось выше, круг основных способов защиты (ст. 12 ГК РФ) был существенно расширен. В целом А. П. Сергеев прав, когда утверждает, что «среди способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, мерами ответственности могут быть признаны лишь возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсация морального вреда, все остальные являются мерами защиты»²⁴. Следует только оговориться, что возмещение убытков может строиться и на других началах.

В соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Так, не является ответственностью обязанность владельца источника повышенной опасности

²³ См.: Бутнев В. В. Юридическая ответственность как способ защиты субъективных прав и интересов. С. 119.

²⁴ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 546–547 (автор главы – А. П. Сергеев).

возместить невиновно причиненный вред (ст. 1079 ГК РФ), обязанность возместить вред, причиненный в состоянии крайней необходимости (ст. 1064 ГК РФ). Подлежит компенсации в случаях и порядке, предусмотренных законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления их должностных лиц, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия (ст. 161 ГК РФ).

Ст. 1100 ГК РФ также допускает возможность компенсации морального вреда независимо от вины причинителя вреда в случаях, предусмотренных законом. В подобных ситуациях такая компенсация выступает мерой защиты субъективных прав, но не мерой юридической ответственности причинителя вреда.

Список использованной литературы

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М., 1981. – Т. 1. – 361 с.
2. Алексеев, С. С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – Т. 1. – 396 с.
3. Басин, Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав / Ю. Г. Басин // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Саратов, 1971. – С. 32–37.
4. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность / С. Н. Братусь. – М., 1976. – 104 с.
5. Бутнев, В. В. Гражданский процесс как одна из форм реализации юридической ответственности в эпоху развитого социализма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Бутнев. – Л., 1981. – 24 с.
6. Бутнев, В. В. Санкция правовой нормы и юридическая ответственность / В. В. Бутнев // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1978. – С. 50–54.

7. Бутнев, В. В. Юридическая ответственность как способ защиты субъективных прав и интересов / В. В. Бутнев // Правовое государство. – Тарту, 1989. – С. 9–11.

8. Варул, П. А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности / П. А. Варул. – Таллин, 1986. – 152 с.

9. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – М., 1972. – 258 с.

10. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2008. – Т. 1. – 765 с.

11. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 1972. – 284 с.

12. Гурвич, М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М. А. Гурвич. – М., 1976. – 176 с.

13. Елисейкин, П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. Ф. Елисейкин. – Л., 1974. – 31 с.

14. Кархалев, Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д. Н. Кархалев. – М., 2009. – 336 с.

15. Крашенинников, Е. А. Природа норм гражданского процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Крашенинников. – Л., 1983. – 24 с.

16. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – М., 1981. – 240 с.

17. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М., 1960. – 511 с.

А. Ю. Поваренков

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: zotkinva@ya.ru

Теоретические заметки о природе и сущности юридической ответственности

Настоящая статья посвящена теоретическим вопросам понимания юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, санкция, действие, бездействие, претерпевание, неблагоприятные имущественные последствия.

Вопрос о природе и понятии юридической ответственности, несмотря на немалое количество научных и псевдонаучных исследований в данной области, продолжает, на наш взгляд, оставаться одним из самых дискуссионных как в общей теории права, так и в гражданском праве. Поэтому до сих пор остаётся актуальным мнение о том, что в науке нет даже общепризнанного определения ответственности¹.

Постановка проблемы по определению понятия «юридическая ответственность» важна не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Юридическая ответственность как правовая категория позволяет обрисовать границы правомерного и неправомерного поведения субъекта и, таким образом, даёт возможность в рамках специфичной процессуальной формы предусмотреть процедуры, посредством которых наступают конкретные отрицательные для субъектов правовые последствия их виновного противоправного действия (бездействия).

Говоря о сущности юридической ответственности, следует отметить, что в силу отсутствия в законодательстве её определения,

¹ Бутнев В. В. Юридическая ответственность как форма социальной ответственности в современную эпоху развитого социализма // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тем. сб. / под ред. проф. П. Ф. Елисейкина. Ярославль, 1979. С. 54.
© Поваренков А. Ю., 2015

данный вопрос не получил однозначной оценки в юридической литературе. Высказывалось мнение о том, что ключ к правильному пониманию юридической ответственности даёт понятие социальной ответственности². Согласно одной из точек зрения, социальная ответственность – закреплённая социальными нормами и предписанная личности необходимость определённого поведения, мера должного поведения. Для обозначения этой меры правовая наука употребляет категорию «обязанности»³. По другой идее под социальной ответственностью следует понимать оценку поведения индивида или их группы со стороны социальных институтов в рамках установленной в данном обществе системы общественно значимых ценностей⁴.

Исходя из представленного мнения об ответственности в социальном плане, её можно структурировать на виды в зависимости от социальных норм, требования которых выполняются или не выполняются (либо подлежат выполнению).

Взгляды ученых относительно ретроспективной, т. е. негативной, юридической ответственности можно разделить на несколько групп.

Согласно первой концепции, сущность правовой (юридической) ответственности заключается в применении и реализации санкции в случае правонарушения⁵. По мнению С. Н. Братуся,

² Бутнев В. В., Тарусина Н. Н. О механизме реализации юридической ответственности // Вестник Ярославского государственного университета. 2006. № 2. С. 79.

³ Бутнев В. В. Реализация ответственности в гражданском процессе. Ярославль, 1985. С. 11.

⁴ Варул П. А. Методические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллинн, 1986. С. 23. В общей теории права классическими сторонниками указанной точки зрения были Н. И. Матузов и П. Е. Недбайло – см. Матузов Н. И. Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности личности // Советское государство и право (далее – СгиП) // 1977. № 11. С. 143; Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 52.

⁵ Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 82–90; Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность

правовая ответственность связывается с мерами государственного принуждения и их применением⁶. На сходных позициях стоял В. П. Грибанов, согласно которому гражданско-правовая ответственность – одна из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных субъектов гражданского оборота⁷. Эта же точка зрения разделяется в принципе и О. С. Иоффе, с той лишь разницей, что он, говоря об ответственности как о санкции за правонарушение, различает основание ответственности, саму ответственность и её реализацию. Основанием ответственности является правонарушение, сама ответственность наступает тогда, когда в установленном порядке (через судебные и иные юрисдикционные органы, в соответствующих случаях – по соглашению сторон) будут определены конкретные юридические формы имущественных и личных лишений для нарушителя. Реализация ответственности означает фактическое наступление невыгодных последствий для правонарушителя (возмещение убытков, уплата штрафа и т. п.)⁸, или же, другими словами, ответственность – не просто санкция за правонарушение, а такая санкция, которая влечёт определённые лишения имущественного или личного характера⁹.

На наш взгляд, связывает предложенные мнения стремление указанных авторов к пониманию юридической ответственности через реализацию санкции и мер государственного принуждения. Н. С. Малеин прямо указывает, что ответственность есть

по советскому законодательству. М., 1971. С. 54, 59.

⁶ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С.4, 69, 85 и др.

⁷ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 1993. С. 172–173.

⁸ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314 и след; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 95–96.

⁹ Там же. С. 95; Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 7–8.

реакция на правонарушение, характеризующаяся тремя признаками: государственное принуждение, осуждение правонарушения и его субъекта, наличие неблагоприятных последствий для правонарушителя¹⁰.

Представляется, мнение об ответственности как о санкции за допущенное субъектом правонарушения не даёт окончательного ответа на вопрос о природе юридической ответственности. Данное выражение указывает на то, что ответственность – это последствие правонарушения, но оно не может служить обозначением родового понятия при определении ответственности. Дело в том, что само понятие «санкция» имеет различное понимание у тех или иных авторов, а потому нуждается в дальнейшей конкретизации. Если же встать на тот путь, по которому пошёл в свое время О. С. Иоффе, разграничивающий саму ответственность и её реализацию, то окажется, что если лишения для правонарушителя реально проявляются в момент реализации юридической ответственности, то санкция не может совпадать с такими лишениями, поскольку она существует и до них (как норма объективного права).

С другой стороны, из такой теории не следует и то, что санкция есть указание на невыгодные последствия правонарушения, так как такие последствия описаны в диспозициях охранительных норм права, а само правонарушение автоматически не может влечь, по мнению О. С. Иоффе, ответственности автоматически. Наконец, указание на невыгодные последствия для правонарушителя может содержаться в резолютивной части судебного решения, но в таком случае указание на невыгодные последствия есть деятельность юрисдикционных органов по возложению ответственности, а не она сама¹¹.

Другие концепции юридической ответственности условно сближает попытка рассмотрения её через категорию обязанности

¹⁰ Малеин Н. С. Указ. соч. С. 134.

¹¹ См.: Бутнев В. В. Юридическая ответственность, охранительное правоотношение, гражданский процесс // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тем. сб. / под ред. проф. П. Ф. Елисейкина. Вып. 2. Ярославль, 1977. С. 93.

правонарушителя давать отчёт в своём противоправном поведении и претерпевать воздействие мер государственного наказания¹². Так, например, Л. С. Явич указывал, что юридическая ответственность есть специфическая обязанность правонарушителя претерпевать лишения личного и имущественного характера за упречное с точки зрения закона поведение¹³. Эта обязанность наступает лишь с момента, когда установлен факт правонарушения и одна сторона (суд) получает право возложить на виновного ответственность согласно санкции юридической нормы, а другая сторона (правонарушитель) обязана претерпеть отрицательные последствия своего упречного поведения¹⁴.

В. М. Горшенёв высказывал в своё время близкую к изложенным точку зрения, согласно которой юридическая ответственность – признаваемая государством способность лица отдавать отчёт в своём противоправном поведении и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно ему принадлежащих¹⁵. По справедливому замечанию некоторых авторов, в данном определении смешивается юридическая ответственность с её предпосылкой – правосубъектностью, что противоречит логическим законам¹⁶.

Наконец, третья группа авторов предпринимает попытку изучения правовой ответственности через сопоставление её правовому отношению. Так, например, Б. Т. Базылев указывает, что юридическая ответственность – материальное карательное правоотношение, в рамках которого государство применяет к обязанному субъекту (правонарушителю) определённое санкцией нормы ответственности специфическое воздействие (наказание)¹⁷.

¹² См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 277; Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 16–18.

¹³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 231.

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Горшенёв В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 104.

¹⁶ Бутнев В. В. Цит. соч. С. 93.

¹⁷ Базылев Б. Т. Указ. соч. С. 101; Его же. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение // Советское государство и право.

Представляется, что для правильного понимания и толкования термина «юридическая ответственность» следует руководствоваться следующей методологией. Прежде всего должно быть тщательно проанализировано и переосмыслено предположение о том, что правовой ответственностью можно считать лишь исполнение обязанности под принуждением, имеющем государственный характер. В развитие этой мысли были высказаны соображения о том, что исполнение обязанностей, вытекающих из факта правонарушения нарушителем в добровольном порядке, юридической ответственностью не является.

Один из сторонников данной точки зрения, С. Н. Братусь, пришёл к выводу, что причинение вреда не порождает ответственности, если возникшая обязанность возместить убытки реализуется добровольно. При этом он соглашается с мнением М. М. Агаркова, что санкцией является не обязанность возместить убытки, вызванные неисполнением договорного обязательства или внедоговорным причинением вреда, а только принудительное исполнение этой обязанности¹⁸. Из такой предпосылки С. Н. Братусь сделал вывод о том, что из факта причинения вреда или убытков возникает не ответственность, а обязанность возместить причинённые деликтом убытки. Если эта обязанность реализуется добровольно, а не принудительно, то и санкции не существует¹⁹. Он также отрицал возможность отождествления обязанности возмещения вреда и санкции, поскольку санкция может осуществляться добровольно без вмешательства государственных органов, а этого не может быть²⁰.

Эта концепция сразу же была воспринята сверхкритически. Так, О. Э. Лейст указывал, что если обязанность возмещения имущественного ущерба не является санкцией, а такой санкцией было бы только принудительное исполнение этой обязанности,

1980. № 8. С. 122–125; Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 224–226; Головкин Л. В. Вопросы теории юридической ответственности // Труды ВЮЗИ. М., 1975. Т. 39. С. 243.

¹⁸ Братусь С. Н. Цит. соч. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ Там же. С. 87–88.

то следовало бы прийти к выводу, что существует только обязанность возмещать причинённый вред, но нет обязанности воздерживаться от причинения вреда. Но в этом случае противоправным деянием считалось бы не причинение ущерба, а только уклонение от возмещения уже причинённого вреда²¹. По мнению Е. Я. Мотовилова, критикующего эту точку зрения, ошибка С. Н. Братуся заключается в отсутствии разграничения понятий «возможность принуждения» и «принуждение», «обязанность» и «исполнение обязанности»²².

На наш взгляд, следует исходить из специфики метода отраслевого регулирования. Поскольку в гражданском праве он является диспозитивным, характеризуется, по общему правилу, отсутствием между контрагентами властеотношений и внеюрисдикционного принуждения, то с экономической точки зрения каждый субъект вправе выбрать тот способ исполнения обязанности, который он считает для себя оптимальным. Поэтому и возникают проблемы видообразующей характеристики той обязанности, которая исполняется нарушителем под воздействием государственного принуждения (т. е. помимо его воли) и критериев отграничения осуществления такой обязанности от добровольного возмещения вреда, убытков (помимо гражданского и (или) арбитражного процесса).

Как кажется, какой-либо специфики здесь обнаружить не представляется возможным, поскольку содержательно обязанность одинакова в обоих случаях. Более того, можно расширить границы государственного принуждения, включив в него понятие принуждения психического. Но тогда грань между добровольным и принудительным исполнением обязанности стирается, поскольку неясно, исполнил ли должник требования кредитора добровольно либо добровольно, но опасаясь последующего проигрыша дела в суде (т. е. под воздействием государственного принуждения, имеющего психическую природу, например проконсультировавшись о практике рассмотрения подобного рода

²¹ Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 131.

²² Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 113–114.

пора и узнав бесперспективность суда и возможность несения дополнительных затрат в виде судебных издержек в таком случае). Получается, что на практике узнать, какие эмоции испытывает обязанное лицо при возложении на него неблагоприятных имущественных последствий судом или при добровольном исполнении требований кредитора, вряд ли возможно да и перспективно с точки зрения теоретического определения ответственности.

Следует признать правильным то направление в изучении юридической ответственности, представители которого пытаются рассмотреть данное явление через выделение и характеристику специфической категории «обязанности», возникающей у правонарушителя в момент совершения правонарушения.

Отмечалось, что юридическая ответственность – предусмотренная нормами права обязанность правонарушителя претерпеть юридически неблагоприятные последствия своего противоправного, общественно опасного деяния в форме лишений личного или имущественного характера, которая выражает государственное и общественное осуждение его поведения и обеспечивается возможностью применения для своей реализации государственно-го принуждения²³.

Другой представитель рассматриваемого направления, В. Ф. Попондопуло, определяет ответственность как возложение на должника и претерпевание им мер гражданско-правовой ответственности, приводящее к реальному наступлению для него предусмотренных этими мерами неблагоприятных последствий (лишений)²⁴.

Аналогичным подходом к исследуемой проблеме отличается и В. М. Баранов, когда рассматривает юридическую ответственность в виде возникшего в результате лично совершённого

²³ Бутнев В. В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе: учебное пособие. Ярославль, 1985. С. 26; Его же. Сущность и порядок реализации гражданской процессуальной ответственности: текст лекций. Ярославль, 1989. С. 10; Его же. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999. С. 22.

²⁴ Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1986. С. 53.

правонарушения и предусмотренное юридической нормой политико-правовое состояние, когда компетентный орган, должностное лицо или гражданин на основе закона и в специальной процессуальной форме требует от правонарушителя отчёт в совершённом деянии, возлагает на него определённую меру лишений, а правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия за нарушения юридической нормы²⁵.

Однако и в рамках данного подхода существуют точки зрения, которые не могут считаться до конца верными. В частности, В. А. Тархов определил юридическую ответственность как регулируемую правом обязанность дать отчёт в своих действиях²⁶.

Некоторые авторы поспешили назвать эту идею примером беспредельно широкого подхода к понятию «юридическая ответственность», влекущего утрату этим понятием всякого практического значения²⁷. Однако было бы несправедливо умолчать о том, что и эта идея в литературе осмысливалась в критическом ключе.

Верность тезиса одного из сторонников понимания юридической обязанности посредством указания на категорию «претерпевание», С. С. Алексеева, о том, что должное поведение правообязанного при возмещении убытков и уплате штрафов представляет сочетание *pati* и *facere*²⁸, была подвергнута сомнению.

В частности, Е. А. Крашенинников указывал, что в этих случаях содержание обязанности исчерпывается необходимостью совершения положительных действий; что же касается претерпевания, то оно фигурирует здесь не в качестве формы должного поведения обязанного лица, а служит характеристикой состояния правонарушителя, которое наступает в результате лежащей на нём обязанности *facere*²⁹. Эту точку зрения разделяет и Е. Я. Мотовиловкер,

²⁵ Баранов В. М. Теория юридической ответственности: лекция. Нижний Новгород, 1998. С. 9–10.

²⁶ Тархов В. А. Указ. соч. С. 8–11.

²⁷ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С. 491.

²⁸ Алексеев С. С. Проблемы теории права. М., 1972. Т. 1. С. 302; Его же. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 277.

²⁹ Крашенинников Е. А. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 14–15. Прим. 11.

когда, критикуя С. С. Алексеева, замечает, что обязанность может состоять в действии или бездействии, поэтому попытки выделить в претерпевании специфическое содержание лишь доказывают, что ничего другого в обязанности быть не может³⁰.

А. Ф. Черданцев и С. Н. Кожевников указывали, что претерпевание нельзя рассматривать в качестве сущностного компонента юридической ответственности по ряду обстоятельств. Прежде всего, по их словам, обязанность претерпевать принуждение относится к характеристике лишь внутреннего свойства личности. Но если признать этот факт, то это означало бы, что юридическая ответственность есть и тогда, когда даже правонарушитель не установлен³¹.

Отмеченной критике можно противопоставить ряд контрдоводов. Один из них высказан в одной из работ цитированного выше критика теории претерпевания Е. А. Крашенинникова. По его словам, «претерпевание представляет характеристику состояния правонарушителя». Получается, что весь вопрос в терминах — одни авторы претерпевание рассматривают как характеристику имущественного или личного состояния правонарушителя (деликвента), другие пытаются отвергнуть юридический смысл этой категории, поскольку непосредственно в действиях обязанного лица она не прослеживается. А вопрос терминологии, как видится, есть уже более формальная проблема, нежели сущностная.

Неправильной представляется нам также идея о том, что, кроме обязанности действий или бездействия, поведение правонарушителя, подвергающегося мерам государственного воздействия, никак охарактеризовать нельзя. На самом деле, можно выделить некоторые элементы **pati при реализации мер юридической ответственности**. Но если черты претерпевания существуют и, более того, иногда характеризуют сущность юридической ответственности с точки зрения правового положения правонарушителя, то неправомерно утверждать, что всё содержание и весь смысл юридической ответственности исчерпываются действиями управо-

³⁰ Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 117.

³¹ См.: Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 39–41.

моченного субъекта. Классическим образом это проявляется при исполнении судебных актов.

В некоторых ситуациях (допустим, при исполнении судебных постановлений) добровольность теряет своё значение, поскольку желание правонарушителя может игнорироваться, так как решение суда исполняется помимо его воли. Главное, что в таком случае у должника отсутствует обязанность совершения активных действий – их совершает лицо, производящее исполнение постановления суда (судебный пристав-исполнитель), т. е., на наш взгляд, *facere* в описываемом примере разглядеть невозможно. Далее – а есть ли *non facere*, или бездействие?

Когда мы говорим о некой обязанности, то мы утверждаем, что речь идёт о свободном волеизъявлении субъекта, который осознанно делает выбор в пользу желаемой модели поведения. Но можно ли утверждать то же самое для случаев, когда воля субъекта игнорируется, как это имеет место при принудительном исполнении решений суда? Думается, что нет. Более того, обязанность бездействия не имеет никакого юридического значения в этом случае, поскольку опять-таки взыскатель получает требуемые материальные блага не посредством действий должника, а в результате поведения третьих лиц (судебного пристава-исполнителя).

Иллюстрацией ко всему сказанному может служить пример, в котором производится обращение взыскания на имущество должника. Правовое положение обязанного лица, на наш взгляд, невозможно описать ни через действие, ни через бездействие. Закон не придаёт поведению правонарушителя в описываемой ситуации какого-либо значения. Обязанность действовать имелась ранее, поскольку можно было добровольно исполнить судебное решение либо добровольно во внесудебном порядке выплатить истцу требуемую сумму. Обязанность бездействовать у должника в нашем примере также отсутствует, ибо своими действиями он уже никак не способен воспрепятствовать реализации решения суда, поскольку имущество его описано и изъято (должник лишён владения своими вещами). Он лишь претерпевает негативные последствия своего упречного поведения. Претерпевание

выражается в том, что он (должник, правонарушитель) лишается части или всего своего имущества не путём своих действий или бездействий, а через действия иных лиц (судебных приставов-исполнителей, назначающих публичные торги и реализующих с них имущество).

На основании изложенного мы полагаем, что выводы авторов, отрицающих самостоятельное значение категории «претерпевание», выглядят несколько поспешными. Но если это так, то есть ли смысл отказываться от определения юридической ответственности через характеристику положения должника как «обязанности претерпеть лишения личного или имущественного характера»? Думается, что если бы претерпевание по сути сводилось либо к действиям, либо к бездействию, то такой шаг был бы оправдан. Но поскольку, на наш взгляд, термин «претерпевание» не лишён собственного содержания, принципиально не отождествимого с *facere* и *non facere*, то такой шаг нельзя считать верным.

Что же касается концепции А. Ф. Черданцева и С. Н. Кожевникова, то она базируется на неправильном, на наш взгляд, понимании понятия юридической ответственности. Ответственность как обязанность возникает в момент совершения правонарушения. Аргумент, что действующее законодательство указывает на то, что подлежит ответственности только лицо, виновное в совершении правонарушения, также некорректен. Дело в том, что при таком понимании смешивается юридическая ответственность и меры юридической ответственности. Последние, действительно, могут быть применены конкретно к какому-либо из субъектов, т. е. имеют персонифицированный характер. Однако данные меры не могут быть отождествимы с самой юридической ответственностью хотя бы потому, что конкретная мера юридической ответственности всегда индивидуальна. Получается, что, следуя обозначенной логике, невозможно вывести единое понимание юридической ответственности, так как в каждом правоприменительном акте оно будет по-своему индивидуально и неповторимо.

Из сказанного непосредственно вытекает решение другой проблемы: что противопоставлено обязанности должника претерпеть неблагоприятные последствия? Для нас ответ очевиден

– право потерпевшего на применение к должнику мер, содержанием которых выступает претерпевание. Эти меры снабжены возможностью государственного принуждения. Учитывая, что государственное принуждение применяется всегда в чьих-либо интересах, следует прийти к выводу, что в анализируемой ситуации им будет прежде всего выступать интерес кредитора. Государственное принуждение здесь основывается на праве, на правомочии кредитора активно действовать, на его желании добиться удовлетворения своих имущественных интересов посредством применения к неисправной стороне сделки мер гражданско-правовой ответственности. Признать, что обязанности претерпеть корреспондируют правомочия органов государственной власти по применению мер юридической ответственности означало бы игнорирование личности кредитора (взыскателя) в гражданском и арбитражном процессе. За пределами его активности (подача иска, заявление ходатайств, обоснование заявленных требований и их расчёт, предоставление доказательств и т. д.) не существует никаких правомочий государственных органов по привлечению к гражданско-правовой ответственности неисправного должника. Последнее замечание имеет важное значение в том плане, что публично-правовая функция органам государственной власти в частно-правовых отраслях практически несвойственна.

В связи со сказанным неприемлемым должен быть признан подход к юридической ответственности как к возникшему из правонарушения правовому отношению между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершение правонарушения, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права, как факта реальной действительности, наступающего на определённой стадии, после вынесения индивидуального юридического акта³². Такая же точка зрения разделяется И. Н. Сенякиным, отмечая, что юридическая ответственность – возникшее из правонарушения правовое отношение между государством в лице его

³² Баранов В. М. Указ. соч. С. 10.

специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершённое правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права³³.

Как известно, содержанием правоотношения являются права и обязанности его субъектов, при этом праву одного субъекта в правоотношении всегда корреспондирует обязанность другого. Если принять эту точку зрения в качестве верной, то в ряде случаев провозглашённое правоотношение окажется бессодержательным. На самом деле, у государства в лице его органов нет права подвергнуть правонарушителя обязанности претерпевать до того момента, пока потерпевший не обратится в соответствующий орган. Что, безусловно, вероятно, но не неизбежно. До того, как представляется, правоотношения между правонарушителем и государственными властными органами (и государством в целом) не существуют.

Косвенно это признаёт и В. М. Баранов, поскольку в процитированном выше определении увязывает возникновение юридической ответственности как правоотношения между государством и правонарушителем с моментом вынесения правоприменительного акта. А это, как мы уже указывали, неверно. Здесь смешивается обязанность претерпевания и реальные неблагоприятные последствия вынесения судебного решения. Или, говоря другими словами, не разграничивается сама юридическая ответственность и одна из её стадий, именуемая реализацией юридической ответственности.

Думается, главная ошибка здесь заключается в том, что авторы исходят из того, что меры ответственности могут быть применены только соответствующим юрисдикционным органом, осуществляющим государственное принуждение. Поэтому надлежит определиться с тем, в рамках каких правоотношений (материальных или процессуальных) реализуются меры ответственности³⁴.

³³ Общая теория права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 543.

³⁴ Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы: (понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тем. сб. / под ред. проф. П. Ф. Елисейкина. Вып. 2. Ярославль, 1977. С. 37.

Поскольку между правонарушителем и государственным органом возникают процессуальные правоотношения, эти отношения часто отождествляются с отношениями ответственности. Внутренняя противоречивость такой конструкции в литературе была убедительно вскрыта, а нам остаётся только присоединиться к высказанным ранее аргументам³⁵.

О. Э. Лейст указывал, что рассмотрение юридической ответственности через категорию «обязанности» неприменимо к отраслям публичного права. По его предположению, смысл и назначение юридической обязанности (предписанная правом необходимость определённого поведения) в том, что она – регулятор волевого и сознательного поведения участника общественных отношений и её исполнение не может быть ничем иным, кроме как собственными действиями обязанного лица... До сих пор не подвергалось сомнению, что обязательным может быть только возможное поведение. Но предполагаемая обязанность нарушителя подвергнуть себя наказанию им самим не может быть осуществлена, хотя бы он к этому стремился³⁶.

В литературе эта теория критиковалась, и небезосновательно. Во-первых, за то, что неправильно противопоставлять ответственность штрафную и праввосстановительную. Во-вторых, неточно утверждение о том, что исполнение обязанности может осуществляться только собственными действиями обязанного лица. Так, приводится в качестве иллюстрации пример, когда истцами или ответчиками по делу о разделе наследственного имущества выступают малолетние. Здесь исполнение судебного решения происходит действиями их законных представителей или компетентных государственных органов³⁷.

³⁵ См. подробнее: Бутнев В. В. Санкция правовой нормы и юридическая ответственность // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тем. сб. / под ред. проф. П. Ф. Елисейкина. Вып. 3. Ярославль, 1978. С. 55–57.

³⁶ Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 183 и след.

³⁷ Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999. С. 25–26.

К сказанному остаётся только добавить, что описанная нами ситуация с реализацией имущества должника с публичных торгов на основании судебного решения также вполне соответствует предположению о том, что, вопреки теории О. Э. Лейста, возможно исполнение обязанности должника не только его активными действиями.

Если обязанность должника есть обязанность только активных действий с его стороны, а не какого-то пресловутого претерпевания, о чем выше и замечал Е. Я. Мотовиловкер, разделяя в этом плане позицию О. Э. Лейста, то как быть в тех ситуациях, когда добровольность (и собственная активность) не присутствует в поведении обязанного субъекта? Как быть, если он активно не сопротивляется взысканию суммы на основании решения суда, но и не предпринимает сколько-нибудь активных действий по его добровольному исполнению?

Предположив, что претерпевание сводимо либо к действию, либо к бездействию должника, мы окажемся перед проблемой – в рамках исполнительного производства при реализации имущества должника с публичных торгов и действия, и бездействия его игнорируются. Действует (*facere!*) судебный пристав-исполнитель. Но можно ли утверждать, что активные действия последнего субъекта есть действия по уплате долга самим должником? Нет, это – действия по принудительному исполнению судебного решения, а отсюда однозначно следует, что принудительность исключает какую-либо волю должника (его действия уже не нужны).

Правда, при этом нельзя не отметить одну особенность действующей российской судебно-арбитражной практики. При реализации имущества неисправного должника с торгов его рассматривают как сторону, субъекта материального правоотношения, т. е. именно должник, а не судебный пристав-исполнитель является стороной договора купли-продажи такого имущества, т. е. продавцом. Субъектный состав в данной сделке купли-продажи – не более чем фикция. По крайней мере, продавец не обладает свободой воли в выборе покупателя, равно как не имеет он и юридической возможности определять судьбу спорного имущества.

Торги проводятся без его желания, согласия, а как раз наоборот, помимо или вне зависимости от его наличия. Следовательно, если такая ситуация есть некая фикция, то нельзя полагать, что на практике продажа имущества с публичных торгов считается именно действием должника, поскольку сам О. Э. Лейст совершенно верно признаёт за действием характер волевого поступка. В нашем случае говорить о воле квази-продавца не приходится.

Список использованной литературы

1. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность : (очерк теории) / С. Н. Братусь. – М., 1976. – 215 с.
2. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М., 1961. – 380 с.
3. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О. Э. Лейст. – М., 1981. – 239 с.
4. Мотовиловкер, Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж, 1990. – 136 с.
5. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – М., 1962. – 238 с.
6. Баранов, В. М. Теория юридической ответственности : Лекция / В. М. Баранов. – Нижний Новгород, 1998. – 58 с.
7. Брагинский, М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 1998. – 681 с.
8. Крашенинников, Е. А. К теории права на иск / Е. А. Крашенинников. – Ярославль, 1995. – 73 с.
9. Бутнев, В. В. Гражданская процессуальная ответственность / В. В. Бутнев. – Ярославль, 1999. – 63 с.
10. Бутнев, В. В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе: учебное пособие / В. В. Бутнев. – Ярославль, 1985. – 129 с.

Последствия нарушения корпоративного договора акционеров

В статье рассматривается вопрос о последствиях нарушения корпоративного договора. Дается оценка эффективности отдельных мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, недействительность решения общего собрания акционеров, компенсация.

С реформированием гражданского законодательства институт корпоративного договора, первоначально получивший признание на уровне лишь специальных законов¹, нашел закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации².

Эффективность любого договора зависит от возможности применения действенных мер воздействия к нарушителям соглашения и оперативного нивелирования последствий нарушения.

Согласно ст. 67.2 ГК РФ под корпоративным договором понимается соглашение участников хозяйственного общества об осуществлении корпоративных прав. Таким образом, корпо-

¹ В 2008 году в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 05.05.2014) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 785 (далее – закон об ООО). В 2009 году в Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 22.12.2014) // Там же. 1996. № 1, ст. 1 (далее – закон об АО)

² Понятие «корпоративного договора» появляется в Гражданском кодексе РФ с принятием Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2304.

© Роднова О. М., 2015

ративный договор не влечет возникновение новых субъективных корпоративных прав, он лишь порождает организационные правоотношения, устанавливая порядок осуществления членских прав либо обязанность воздерживаться (отказаться) от их осуществления, а также порядок осуществления прав на долю участия в уставном капитале или на акцию.

С учетом того, что предметом соглашения могут быть не только корпоративные права, но и права на долю участия в уставном капитале хозяйственного общества, последствия нарушения корпоративного договора могут носить как имущественный характер, так и организационный. Выбор способа защиты и эффективность применяемых мер восстановления нарушенного положения зависят от природы защищаемого права и последствий правонарушения.

На сегодняшний день Гражданский кодекс РФ предусматривает следующие последствия нарушения корпоративного договора: признание недействительным решения органа управления хозяйственного органа, принятого с нарушением условий такого договора, признание недействительной сделки, заключенной в нарушение условий корпоративного договора. В законах об отдельных видах юридических лиц указывается на возможность применения общегражданских мер ответственности при нарушении корпоративного договора (возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсации).

Цель настоящего исследования — оценка эффективности названных способов защиты прав и интересов участников корпоративного договора.

— 1 —

Пункт 6 ст. 67.2 ГК РФ предусматривает возможность признания недействительным решения органа управления хозяйственного общества, если оно принято с нарушением условий корпоративного договора.

Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод, что предметом оспаривания могут быть решения любых органов управления корпорации, как общего собрания акционеров (участников), так и коллегиального органа управления и исполнительных органов управления. В то же время предметом регулирования корпоративного договора являются отношения по реализации

участниками права на управление, в частности право голосовать определенным образом или воздерживаться от голосования. Участник корпорации может реализовать право на управление, право голосовать, лишь участвуя в общем собрании акционеров (участников). Соответственно, решение, принимаемое коллегиальным органом управления либо исполнительными органами общества, не является непосредственным результатом реализации участником права на управление. Деятельность коллегиального органа управления либо исполнительных органов общества не может быть предметом регулирования корпоративного соглашения. Пункт 5 ст. 67.2 ГК РФ закрепляет очевидное правило: корпоративный договор не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Следовательно, на членов названных органов управления не может быть возложена обязанность по соблюдению положений корпоративного договора, в том числе при голосовании, принятии определенного решения.

Таким образом, пункт 6 ст. 67.2 ГК РФ нуждается в уточнении и должен быть изложен в следующей редакции: «Нарушение корпоративного договора может являться основанием для признания недействительным решения общего собрания участников общества по иску стороны этого договора (далее по тексту)...».

Необходимо заметить, что данная новелла не согласуется с нормами Федерального закона «Об акционерных обществах», закрепляющими возможность оспаривания решений органов управления АО. Пункт 7 ст. 49 Закона об АО в качестве основания оспаривания решения общего собрания акционеров предусматривает нарушение требований настоящего Федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, устава общества. Нарушение положений корпоративного договора (акционерного соглашения) не называется законодателем в качестве основания недействительности решения общего собрания. Аналогичные основания недействительности решений совета директоров, коллегиального исполнительного органа общества закреплены в п. 6 ст. 68 и п. 3 ст. 70 Закона об АО. Таким образом, нормы специального закона не предусматривают возможность признания недействительными решений органов управления общества по иным основаниям,

кроме как нарушение при их принятии положений нормативных актов или устава. Очевидно, что п. 7 ст. 49 Закона об АО должен быть дополнен указанием на возможность оспаривания решения общего собрания акционеров «при нарушении условий корпоративного договора, в случаях указанных в законе».

Продекларировав возможность оспаривания решений органов управления хозяйственного общества при нарушении условий корпоративного договора, законодатель не предусмотрел ни специальные (дополнительные) основания недействительности таких решений, ни порядок оспаривания решений, ни сроки оспаривания. Также не указаны в Гражданском кодексе условия, при которых оспариваемое по данному основанию решение органа управления может быть оставлено судом в силе. Полагаем, перечисленные вопросы должны будут разрешаться с учетом общих норм, предусматривающих возможность оспаривания решений общего собрания акционеров.

В качестве обязательного условия недействительности решения органа управления законодатель называет следующее: на момент принятия органом хозяйственного общества соответствующего решения сторонами корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества.

Оценивая эффективность названной нормы, следует согласиться с А. Золотаревой и А. Киреевой, которые отмечают: «Эта норма обречена на бездействие. Во-первых, потому что корпоративный договор по своей сути не предполагает участия всех акционеров, поскольку в этом случае он будет мало чем отличаться от решения общего собрания. Во-вторых, потому что даже в небольших обществах полного единогласия добиться трудно, а в крупных — просто нереально»³.

– 2 –

Абзац 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ предусматривает возможность оспаривания сделок, заключенных в нарушение условий корпоративного договора. Согласно названной норме сделка, заключенная стороной корпоративного договора в нарушение этого

³ Золотарева А., Киреева А. Корпоративный договор // Хозяйство и право. 2014. № 10. С. 76.

договора, может быть признана судом недействительной по иску участника корпоративного договора только в случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором.

Иные субъекты гражданского оборота легально получить информацию о факте заключения корпоративного договора и его условиях могут либо от сторон договора, либо общества в рамках раскрытия информации. Учитывая, что закон предусматривает обязанность информировать общество или третьих лиц лишь о факте заключения корпоративного договора, но не о его условиях, доказать осведомленность второй стороны сделки об ограничениях, предусмотренных акционерным соглашением, будет достаточно затруднительно. А. Глушецкий отмечает, что стороны корпоративного договора заинтересованы в «максимально широко» раскрытии информации об ограничениях, содержащихся в соглашении, в целях его исполнения ⁴.

Законодатель не решает вопрос конкуренции/соотношения закона, устава или решения органа управления общества и условий корпоративного договора. Например, может ли быть признана недействительной сделка по отчуждению акций акционером, который, подписав корпоративный договор, принял обязанность не продавать акции (или их часть) до наступления определенных обстоятельств, если продажа акций была обусловлена требованиями закона, устава или решением органа управления общества?

Названный вопрос является частным по отношению к вопросу о соотношении диспозитивных и императивных начал в корпоративном праве. Пока в российском корпоративном праве будет преобладать императивный метод регулирования, сделка акционера по отчуждению акций, совершенная во исполнение требований закона, но в противоречии с акционерным соглашением, будет являться законной.

Иначе решается вопрос о соотношении устава и корпоративного договора с учетом положений п. 7 ст. 67.2 ГК РФ. Согласно названной норме стороны корпоративного договора не вправе

⁴ Глушецкий А. Корпоративный договор – новые возможности структурирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2014. № 11. С. 67.

ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. Соответственно, необходимо признать, что сделка, заключенная во исполнение корпоративного договора, но в противоречии с уставом, является действительной, и наоборот. Например, конкуренция положений устава о предельном количестве акций, которое может принадлежать одному акционеру, и условий корпоративного договора, предусматривающих обязанность акционера приобрести акции, должна разрешаться в пользу договора; либо сделка, противоречащая положениям устава, предусматривающим преимущественное право приобретения акций, но соответствующая положениям корпоративного договора, не может быть признана недействительной, и наоборот.

И. Шиткина отмечает: «Ранее существовала совершенно иная практика, когда суды абсолютно четко выражали позицию, согласно которой договор между участниками не должен противоречить как законодательству, так и уставу хозяйственного общества»⁵. Но если вывод о приоритете корпоративного договора над положениями устава воспринимать как абсолют, независимо от того, заключен ли договор всеми участниками общества или отдельными его членами, то подрываются корпоративные начала построения юридических лиц, основные принципы построения корпоративных отношений. Акционер, становясь участником общества, обязуется соблюдать требования устава и подчиняться решениям большинства. Корпоративный договор не может быть признан легальным способом освобождения от названных обязанностей. Иначе происходит смешение функционала акционерного соглашения и устава. Вопрос о соотношении устава и корпоративного договора нуждается в более детальной проработке, что выходит за рамки настоящего исследования. Здесь мы лишь обозначили проблемы, требующие более детальной проработки.

– 3 –

Нарушение корпоративного договора, как и любого иного гражданско-правового договора, может влечь наступление общегосударственных мер ответственности.

⁵ Шиткина И. Изменения в положения Гражданского кодекса РФ о юридических лицах: анализ новелл и практические советы // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 14.

Пункт 7 ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» закрепляет: акционерным соглашением могут предусматриваться способы обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения, и меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств. Права сторон акционерного соглашения, основанные на этом соглашении, в том числе права требовать возмещения причиненных нарушением соглашения убытков, взыскания неустойки (штрафа, пеней), выплаты компенсации (твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в акционерном соглашении) или применения иных мер ответственности в связи с нарушением акционерного соглашения, подлежат судебной защите.

В то же время указанная норма не включена в статью 67.2 ГК РФ. Полагаем, что данное обстоятельство ни в коем случае не исключает возможности применения общегражданских мер ответственности при нарушении соглашения участников. Выделение корпоративных отношений в предмете регулирования гражданского права (ст. 2 ГК РФ) свидетельствует о том, что (при отсутствии специальной оговорки в законе) нарушение сторонами корпоративного договора принятых на себя обязательств влечет применение мер гражданской ответственности.

Необходимо отметить, что с учетом предмета корпоративного договора взыскание убытков со стороны, нарушившей условия корпоративного договора, является достаточно проблематичным из-за отсроченного эффекта последствий нарушения. Очевидные сложности вызывает доказывание причинно-следственной связи между нарушением корпоративного договора и наступившими негативными последствиями, а также размера понесенных убытков.

Взыскание неустойки либо требование о выплате компенсации с точки зрения доказывания обоснованности названных исковых требований являются более эффективными способами защиты. Однако большинство исследователей вопроса последствий нарушения обязательств, вытекающих из корпоративного договора, отмечают, что возможность применения судами при разрешении

споров о взыскании неустойки статьи 333 ГК РФ значительно снижает эффективность названной меры ответственности ⁶.

Выплата компенсации — твердой денежной суммы, определенной корпоративным договором, является самостоятельной мерой гражданско-правовой ответственности, отличной от выплаты неустойки. Соответственно, при рассмотрении судами исков о взыскании компенсации ст. 333 ГК РФ применяться не может. Для удовлетворения требования о взыскании компенсации достаточно доказать факт нарушения условий договора. Размер взыскиваемой компенсации определяется только условиями договора и не зависит от факта наступления убытков и их размера.

Эффективность взыскания компенсации как меры ответственности нерадивой стороны корпоративного соглашения заключается еще и в том, что она носит не компенсационный, а штрафной характер. Последствия нарушения обязательств, вытекающих из корпоративного соглашения, как правило, носят неимущественный характер. Соответственно, не имеют денежной оценки либо имущественные негативные последствия отсрочены по времени. «Естественно, для таких обязательств, которые не могут быть автоматически переведены в денежный эквивалент, принципиальное значение имеют механизмы ответственности, предполагающие уплату должником при неисполнении обязательства по совершению действий или воздержанию от действия денежной суммы, имеющей скорее не компенсационное, а штрафное, карательное значение для должника» ⁷.

— 4 —

Статья 12 ГК РФ в качестве одного из способов защиты гражданских прав называет присуждение к исполнению обязанности в натуре. Возможно ли восстановление нарушенного правового положения стороны корпоративного договора с помощью названного способа защиты? В частности, с учетом предмета корпоративного договора, требует разрешения вопрос возмож-

⁶ Глушецкий А. Указ. соч. С. 71.

⁷ Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Ханс-Иоахим. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 59.

ности обязанности участника проголосовать определенным образом в ходе общего собрания акционеров и возможности понуждения к заключению договора, направленного на отчуждение или приобретение акций компании стороной корпоративного договора.

Исследователи корпоративного права отмечают, что проблематика принудительного исполнения корпоративных договоров имеет свою специфику, продиктованную необходимостью учета интересов юридического лица, по поводу участия которого заключен корпоративный договор, а также иных участников, не участвующих в нем, и кредиторов юридического лица. И названная специфика накладывается на ситуацию отсутствия эффективно работающего механизма понуждения к исполнению договорных обязательств⁸.

Принуждение к исполнению обязанности проголосовать определенным образом или воздержаться от голосования на общем собрании участников как способ защиты невозможно в силу того, что о нарушении условий корпоративного договора станет известно лишь после проведения собрания. А применение мер защиты в упреждающем порядке противоречит их сущности. Соответственно, последствиями нарушения обязанности проголосовать определенным образом или воздержаться от голосования могут быть либо оспаривание решения общего собрания, либо взыскание неустойки или компенсации.

Следует согласиться со следующей оценкой рассматриваемого способа защиты при нарушении обязанности участвовать в голосовании на общем собрании определенным образом: «... Российскому правопорядку пока что неизвестен механизм принятия судебных решений, восполняющих или замещающих волю стороны, не исполнившей того, что с нее причиталось в силу договора... В российских условиях подобная конструкция пока невозможна как на уровне общих положений обязательственного права (а значит, она лишена соответствующих процессуальных форм), так и применительно к обязательствам, возникающим из корпоративных договоров»⁹.

Полагаем, что требование о понуждении к исполнению обязанности в натуре может стать действенной мерой при уклонении

⁸ Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Ханс-Иоахим. Указ. соч. С. 49.

⁹ Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Ханс-Иоахим. Указ. соч. С. 52.

стороны корпоративного договора от обязанности приобретать или отчуждать доли в уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств.

Принятие на себя стороной акционерного соглашения обязанности по отчуждению акций по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств является частным случаем исключения из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Абзац 2 п. 1 ст. 421 ГК РФ допускает добровольное принятие на себя обязанности по заключению гражданско-правового договора в будущем. Соответственно, при уклонении акционера от заключения договора по отчуждению акций возможно обращение в суд с иском о понуждении к заключению договора и взыскании вызванных таким уклонением убытков (п. 4 ст. 445 ГК РФ).

Проведенное исследование еще раз подтвердило, что эффективность любого договора, в том числе корпоративного, обеспечивается эффективными мерами ответственности и способами прекращения последствий нарушения. Сложность привлечения нарушителя корпоративного соглашения к ответственности обусловлена отсроченным характером последствий нарушения, а также, как правило, неимущественным характером последствий, невозможностью их денежной оценки. Сложность устранения последствий нарушения корпоративного договора (признание недействительным решения общего собрания акционеров, признание недействительности сделки) обусловлена особенностями предмета регулирования такого соглашения — особенностями корпоративных отношений. При применении мер восстановления нарушенного положения необходимо учитывать интересы корпорации, иных участников юридического лица, не заключивших корпоративный договор, кредиторов общества, неизбежно включенных в корпоративные отношения.

Список использованной литературы

1. Глушецкий, А. Корпоративный договор – новые возможности структурирования корпоративных отношений / А. Глушецкий. // Хозяйство и право. – 2014. – № 11. – С. 57–72.

2. Золотарева, А. Корпоративный договор: второе издание / А. Золотарева, А. Киреева // Хозяйство и право. – 2014. – № 10. – С. 69–80.

3. Степанов, Д. И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования / Д. И. Степанов, В. А. Фогель, Ханс-Иоахим Шрамм // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 10. – С. 26–69.

УДК 347.441.83

А. Е. Парамонова

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: paramonova.anastasia@gmail.com

Общие положения о недействительности сделок в новеллах ГК РФ: некоторые проблемные вопросы

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с обновлением общих положений о недействительности сделок в российском гражданском законодательстве. Автор утверждает о необходимости сохранения в ГК РФ выделения ничтожных и оспоримых сделок, исследует вопрос о критериях их разграничения, обосновывает вывод о принципиальной неприменимости к требованиям о признании ничтожных сделок недействительными исковой давности.

Ключевые слова: недействительность, оспоримость, ничтожность, исковая давность, установительное притязание

Состоявшиеся изменения общих положений ГК РФ о недействительности сделок воплотили в себе многие, но не все предложения, сформулированные в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ¹, в связи с чем мы хотим оценить обоснованность такого решения законодателя.

¹ Концепция совершенствования общих положений ГК РФ // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 6–101 (далее – Концепция).

© Парамонова А. Е., 2015

1. В абз. 7 – 8 п. 1.4 § 1 Раздела V Концепции ее авторы предлагали отказаться от прямого закрепления в ГК РФ «доктринального деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в том виде, как это предусмотрено в п. 1 ст. 166 ГК РФ». В качестве обоснования указывалось, что законодательная формулировка ничтожной сделки: 1) «дает повод для отрицания возможности заявлять в суд требование о признании ничтожной сделки недействительной»; 2) «ставит под сомнение обязательную силу судебного решения (ст. 16 АПК РФ, ст. 13 ГПК РФ), поскольку даже в случае отказа судом в иске о признании ничтожной сделки недействительной дает повод заинтересованному лицу утверждать, что сделка все равно является ничтожной независимо от признания ее таковой судом».

Данная аргументация представляется неубедительной. Во-первых, возможность предъявления требований о признании ничтожной сделки недействительной подтверждена как в юридической литературе², так и в практике, результатом обобщения которой стало положение п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³. Новая редакция п. 3 ст. 166 и п. 1 ст. 181 ГК РФ прямо предоставляет сторонам сделки и заинтересованным лицам притязание о признании ничтожной сделки недействительной. Во-вторых, данное требование является по своей природе установительным притязанием, заключающимся «в возможности управомоченного требовать от суда признания наличия или отсутствия известных регулятивных гражданских прав и обязанностей»⁴.

² См., напр.: Растеряев Н. Г. Недействительность юридических сделок по русскому праву. СПб., 1900. С. 7; Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 16; Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. 2-е изд. М., 1999. С. 54–55; Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 491.

³ Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

⁴ Крашенинников Е. А. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 46–47; Его же. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 21.

Решение суда об отказе в иске о признании ничтожной сделки недействительной устраняет неопределенность в правовом положении истца в силу того, что в своей мотивировочной части содержит суждение об отсутствии в данной сделке указанного истцом порока, свидетельствующего о ее ничтожности. Именно обязательная сила судебного решения будет служить средством опровержения возможных последующих ссылок истца на ничтожность той же сделки по тождественному основанию⁵.

Вопреки противоположному мнению разработчиков Концепции, действительный смысл п. 1 ст. 166 ГК РФ заключается в установлении ориентира для определения правовой природы ничтожных и оспоримых сделок: вторые, в отличие от первых, являются действительными и влекут правовые последствия, к которым стремились совершающие сделку стороны, до тех пор пока судебным решением последняя не будет признана недействительной.

В связи с изложенным предложение авторов Концепции об изъятии из п. 1 ст. 166 ГК РФ «доктринального» разграничения ничтожных и оспоримых сделок справедливо не было воспринято законодателем⁶.

⁵ См.: Чуваков В. Б. К теории ничтожных сделок // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2008. Вып. 15. С. 28–29. В то же время данное или иное заинтересованное лицо может возражать о ничтожности такой сделки либо самостоятельно предъявить требование о признании ее недействительной по иному основанию (например, сослаться на порок субъектного состава сделки (ст. 171, 172 ГК РФ) при наличии в отказе суда в признании ее недействительной по мотиву совершения с целью, противной основам правопорядка или нравственности). Странно, что разработчики Концепции увидели угрозу обязательной силе судебного решения лишь в легальном определении ничтожной сделки, поскольку данная ситуация возможна при любых гражданско-правовых спорах (абз. 3 ст. 220 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, абз. 8 ст. 38 Федерального закона от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»).

⁶ Напротив, отсутствие закрепления в законе «доктринального» разграничения видов недействительности сделок может породить сложности как в толковании закона, так и в его применении, что имеет место в гражданском праве Франции (подробнее об этом см.: Boudot M. Nullité,

2. Пункт 2.1 § 1 Раздела V Концепции предусматривал, что деление недействительных сделок на виды должно производиться «с помощью установления юридических особенностей тех или иных сделок по основаниям их недействительности, порядку признания их недействительными, в том числе по кругу лиц, имеющих право предъявлять соответствующие требования, и по срокам исковой давности». Такое решение вопроса небесспорно.

Во-первых, порядок признания сделок недействительными, в том числе круг лиц, имеющих право предъявлять соответствующие требования, а также давностные сроки, применяемые к тем или иным притязаниям⁷, очевидно, не являются конститутивными признаками оспоримой или ничтожной сделок. Напротив, отнесение конкретной сделки к одной из указанных разновидностей служит предпосылкой для выбора того или иного способа защиты (абз. 4 ст. 12 ГК РФ) и, соответственно, для определения круга лиц, уполномоченных на его использование, а также применимого давностного срока.

Во-вторых, формулировка разработчиков Концепции об «установлении юридических особенностей тех или иных сделок по основаниям их недействительности» представляется недостаточно конкретной. Возможно, авторы имели в виду такие упомянутые ими в абз. 2, 3, 6 п. 1.6 § 1 Раздела V Концепции критерии разграничения оспоримых и ничтожных сделок, как «существенность», «грубость», «очевидность» нарушения условий действительности сделки. Данный подход уже находил отражение в цивилистической литературе. Так, в качестве основания разделения пороков, влекущих оспоримость или ничтожность сделки, указывалась их важность с точки зрения интересов государства и общества⁸, очевидность или скрытость

annulation et validation des actes dans la doctrine française des 19e et 20e siècles // La théorie des nullités. Poitiers, 2009. P. 81).

⁷ К установительным притязаниям, в том числе о признании ничтожных сделок недействительными, исковая давность применима быть не может, что признавали и авторы Концепции (абз. 4 п. 1.6 § 1 Раздела V Концепции).

⁸ См.: Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 69.

порока⁹. Слабость указанных позиций, в том числе и точки зрения авторов Концепции, объясняется, во-первых, субъективным характером предлагаемых критериев и, во-вторых, несоответствием их специальным предписанием о недействительности сделок (ст. 169–179 ГК РФ), устанавливающим различные последствия для одинаково очевидных пороков, являющихся в равной степени общественно значимыми (ср., напр., ст. 171 и п. 1 ст. 179 ГК РФ).

Г. Ф. Шершеневич определял критерий разграничения пороков следующим образом: пороки, приводящие к оспоримости сделки, посягают на интересы частного лица, в то время как пороки, имеющие следствием ничтожность сделки – на интересы всего оборота¹⁰. Этот взгляд находит поддержку и у современных цивилистов¹¹, и в действующей редакции ст. 168 ГК РФ, где отнесение сделки к оспоримым либо ничтожным поставлено в зависимость от того, посягает ли она на публичные интересы либо права или охраняемые законом интересы третьих лиц. В то же время в специальных предписаниях о недействительности сделок указанный критерий не реализован (ср., напр., ст. 172, 173¹, 177 ГК РФ).

По нашему мнению, точного критерия разграничения пороков, в результате наличия которых сделки являются оспоримыми или ничтожными, выделить невозможно и, в сущности, все зависит от целесообразности их законодательного отнесения к той или иной категории¹².

⁹ См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 69; Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1958. С. 230.

¹⁰ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 178–179.

¹¹ См., напр.: Тузов Д. О. Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК РФ) // Сборник научных статей памяти Е. А. Крашенинникова / под ред. А. П. Сергеева. Ярославль, 2014. С. 56–62.

¹² См., напр.: Сергеев А. П. Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2004. Вып. 11. С. 11–14. Наглядным доказательством изложенного в тексте вывода служат свершившиеся изменения в ГК РФ, в результате которых общим правилом стала не ничтожность не соответствующей закону сделки, а ее оспоримость (п. 1 ст. 168 ГК РФ).

Представляется, что основанием разграничения оспоримых и ничтожных сделок является занимаемое ими в системе юридических фактов место, которое, в свою очередь, предопределяется их (сделок) фактическим составом¹³. Порок, сопровождающий ничтожную сделку, входит в ее фактический состав, в само существо сделки. Вследствие этого последняя не имеет сделочной природы и, будучи действием неправомерным, не порождает желаемые сторонами правовые последствия (например, при ее обязательственном характере не влечет возникновение регулятивных прав и обязанностей), а является основанием возникновения лишь охранительного субъективного права (установительного притязания)¹⁴. Напротив, сопровождающий оспоримую сделку порок не охватывается ее фактическим составом, ввиду чего не оказывает влияния на ее свойство правомерности. В силу этого оспоримая сделка как действие правомерное порождает желаемые сторонами правовые последствия. В свою очередь, порок, вынесенный за пределы фактического состава сделки и не влияющий на ее существо, является основанием возникновения охранительного права на оспаривание совершенной сделки (преобразовательное притязание)¹⁵. В случае реализации данного права заинтересованным лицом суд прекращает действие последней, по общему правилу, лишь на будущее время (п. 3 ст. 167 ГК РФ), но не превращает обладающую свойством правомерности сделку в действие неправомерное¹⁶.

¹³ Чуваков В. Б. Порочные сделки в системе юридических фактов // Сборник статей к 50-летию Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2001. С. 21–34; Его же. К теории ничтожных сделок. С. 26.

¹⁴ См.: Крашенинников Е. А. Понятие и юридическая природа установительного притязания // Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов. Тверь, 1991. С. 146.

¹⁵ См.: Чуваков В. Б. Порочные сделки в системе юридических фактов. С. 30–34; Парамонова А. Е. Порочные сделки: понятие и виды // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 121.

¹⁶ См.: Крашенинников Е. А. Последствия совершения порочных сделок. // Проблемы понятийного аппарата гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 43; Чуваков В. Б. Понятие и виды порочных сделок // Юрид. зап. ЯрГУ. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 146–147.

3. Действующая редакция п. 1 ст. 181 ГК РФ предусматривает трехлетний давностный срок «по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166 ГК РФ)»; при этом «течение указанного срока начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки...».

Данная законодательная новелла порождает следующие проблемы:

а) Наличие соединительного союза «и» между видами требований, к которым применяется вышеуказанный давностный срок, ставит под сомнение возможность их предъявления независимо друг от друга. В п. 3 ст. 166 ГК РФ данный вопрос находит свое положительное решение, поскольку «самостоятельное удовлетворение» требования о признании ничтожной сделки недействительной немыслимо без возможности его «самостоятельного предъявления». Однако при данной формулировке закона, включившей притязание о признании ничтожной сделки недействительной в предмет исковой давности, остается неясным момент начала течения давностного срока в ситуации, когда исполнение сделки не началось. Как представляется, за неимением специальной нормы, необходимо руководствоваться общими правилами о начале течения исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

б) Формулировка закона, предусматривающая применение давностного срока к установительному притязанию (о признании ничтожной сделки действительной), вступает в противоречие с природой данного требования¹⁷. Судебное решение, вынесенное по данному требованию, имеет своей функцией лишь «подтверждение объективного состояния правоотношений»¹⁸. В данном

¹⁷ На невозможность применения исковой давности к требованиям о признании наличия или отсутствия прав и обязанностей неоднократно указывалось в литературе (см., напр.: Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 322–330; Попов Б. В. Исковая давность. М., 1926. С. 4–6; Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. С. 60–71).

¹⁸ Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006. С. 116.

случае судебный акт не изменяет правовую действительность, а лишь «фиксирует» ее состояние в момент времени, к которому относятся исковые требования. Как справедливо отмечается в юридической литературе, судебное решение об отказе в удовлетворении установительного притязания, в частности о признании ничтожной сделки недействительной, по мотивам пропуска исковой давности: 1) не устраняет правовую неопределенность, наличие которой детерминирует охраняемый законом интерес лица в предъявлении соответствующего требования; 2) не может считаться актом правосудия, поскольку будет содержать противоречие между мотивировочной и резолютивной частями¹⁹.

Вопрос о необходимости реформирования положений ГК РФ о признании недействительной ничтожной сделки поднимался и разработчиками Концепции. Они исходили из принципиальной возможности предъявления иска о признании недействительной ничтожной сделки (п. 1.6 и 2.3 §1 Раздела V Концепции), а также ввиду необходимости защиты от недобросовестного поведения сторон сделки предлагали сделать обязательным применение последствий недействительности ничтожной сделки в случае, если заявлен иск о признании недействительной исполняемой или исполненной ничтожной сделки (абз. 2 п. 2.3 § 1 Раздела V Концепции). Вследствие этого разработчики Концепции различали случаи исполнения ничтожной сделки (к ним применим давностный срок, предусмотренный для требований о применении последствий недействительности сделки) и отсутствия такового (исковая давность неприменима) (абз. 5 п. 1.4, абз. 3 п. 2.3 § 1 Раздела V Концепции)²⁰. В последнем случае предлагалось

¹⁹ См.: Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. С. 60–64; Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. С. 115–117.

²⁰ При этом авторы Концепции не учитывали ситуацию, когда требование о признании исполненной ничтожной сделки недействительной предъявлено за пределами срока, предусмотренного для требований о применении последствий недействительности ничтожных сделок. Будучи самостоятельными притязаниями, порождаемыми различными юридическими фактами, они подчиняются различным правилам: требование о признании ничтожной сделки недействительной при наличии

использовать «новый институт запрета ссылок на ничтожность сделки (как посредством предъявления самостоятельного иска, так и в качестве возражений против предъявленного иска) по прошествии определенного времени (как правило, более длительного, чем срок исковой давности) либо если сторона, ссылающаяся на ничтожность сделки, вела себя после заключения сделки таким образом, что иные лица могли полагаться на действительность данной сделки» (абз. 3 п. 2.3. § 1 Раздела V Концепции)²¹.

В зарубежном правопорядке можно найти примеры применения давностного срока к требованиям о признании ничтожной сделки недействительной. Так, ст. 1304 и 2224 французского *Code Civil* предусматривают пятилетний давностный срок для любых требований о признании сделки недействительной. Однако необходимо принимать во внимание, что до 2008 года во Франции в случае «абсолютной недействительности» сделок применялся общий 30-летний срок исковой давности и вопрос «задавнивания» такого вида требований хотя и вызывал споры²², но был скорее теоретическим, чем практическим. На настоящий момент проблема распространения на требования о признании «абсолютной недействительности» сделок столь короткого для европейской традиции общего 5-летнего срока исковой давности (в Италии он, например, составляет 10 лет) имеет существенное значение для гражданского оборота²³. Кассационный суд Франции высказался о необходимости его применения, но в то же время закрепил возможность использования при «задавненном» требовании об установлении «абсолютной недействительности»

соответствующих оснований должно быть удовлетворено независимо от истечения каких-либо сроков, в то время как в применении последствий исполнения недействительной сделки может быть отказано по мотиву пропуска исковой давности.

²¹ Эта идея в усеченном виде воплотилась в п. 5 ст. 166 ГК РФ.

²² Подробнее об этом см.: Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции. М., 1958. С. 95–96; Boudot M. Op. cit. P. 79–98.

²³ См.: Faure-Abbad M., Boudot M. Les nouveautés de la réforme de la prescription en droit français // Notes de conférence «Journées Poitiers – Roma TRE». Poitiers, 2012. P. 2–5.

сделки принципа «l'action est temporaire, l'exception est perpétuelle» («quae temporalia sunt ad agendum, perpetua sunt ad excipiendum», «иск имеет срок, возражение срока не имеет»)²⁴.

По нашему мнению, данный опыт можно использовать и в российском правовом порядке в ситуации, когда способность к задаванию требований о признании ничтожной сделки недействительной ошибочно закреплена в законе (п. 1 ст. 181 ГК РФ). К сожалению, разработчики Концепции, напротив, исходили из необходимости темпорального ограничения возражения о ничтожности сделки.

Учитывая отмеченные выше обстоятельства, п. 1 ст. 181 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «На требования о признании ничтожной сделки недействительной исковая давность не распространяется. Исковая давность по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Течение давностного срока по указанным требованиям начинается со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом исковая давность для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки».

Список использованной литературы

1. Boudot, M. Nullité, annulation et validation des actes dans la doctrine française des 19e et 20e siècles / M. Boudot // La théorie des nullités. – Poitiers, 2009. – P. 78–91.

2. Faure-Abbad, M. Les nouveautés de la réforme de la prescription en droit français / M. Faure-Abbad, M. Boudot // Notes de conférence «Journées Poitiers – Roma TRE». – Poitiers, 2012. – 16 p.

²⁴ См.: Cour de cassation, chambre civile 1, pourvoi № 08-13018, 20.05.2009; Cour de cassation, chambre commerciale, pourvoi № 09-14431, 26.05.2010. В отечественной доктрине данная мысль была высказана И. Б. Новицким: «закон признает только исковую давность; давность возражений ему неизвестна» (Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 269).

3. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон. – Ярославль, 1906. – 370 с.
4. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2008. – Т. 1. – 1006 с.
5. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – Л., 1958. – 511 с.
6. Концепция совершенствования общих положений ГК РФ // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 4. – С. 6–101.
7. Крашенинников, Е. А. К теории права на иск / Е. А. Крашенинников. – Ярославль, 1995. – 76 с.
8. Крашенинников, Е. А. Понятие и предмет исковой давности / Е. А. Крашенинников. – Ярославль, 1997. – 86 с.
9. Крашенинников, Е. А. Понятие и юридическая природа установительного притязания / Е. А. Крашенинников // Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов. – Тверь, 1991. – С. 141–148.
10. Крашенинников, Е. А. Последствия совершения порочных сделок / Е. А. Крашенинников // Проблемы понятийного аппарата гражданского и гражданского процессуального права. – Ярославль, 1987. – С. 41–51.
11. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. – М., 1954. – 247 с.
12. Морандьер, Л. Ж. Гражданское право Франции / Л. Ж. Морандьер. – М., 1958. – 743 с.
13. Парамонова, А. Е. Порочные сделки: понятие и виды / А. Е. Парамонова // Юридическая наука. – 2014. – № 4. – С. 119–122.
14. Попов, Б. В. Исковая давность / Б. В. Попов. – М., 1926. – 32 с.
15. Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. – Л., 1960. – 172 с.
16. Растеряев, Н. Г. Недействительность юридических сделок по русскому праву / Н. Г. Растеряев. – СПб., 1900. – 386 с.

17. Сергеев, А. П. Некоторые вопросы недействительности сделок / А. П. Сергеев // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2004. – Вып. 11. – С. 11–25.

18. Тузов, Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право / Д. О. Тузов. – М., 2006. – 204 с.

19. Тузов Д. О. Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта: (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК РФ) / Д. О. Тузов // Сборник научных статей памяти Е. А. Крашенинникова / под ред. А. П. Сергеева. – Ярославль, 2014. – С. 55–70.

20. Хейфец, Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф. С. Хейфец. – 2-е изд. – М., 1999. – 164 с.

21. Чуваков, В. Б. К теории ничтожных сделок // Очерки по торговому праву / В. Б. Чуваков. – Ярославль, 2008. – Вып. 15. – С. 19–31.

22. Чуваков, В. Б. Понятие и виды порочных сделок / В. Б. Чуваков // Юридические записки Ярославского государственного университета. – Ярославль, 1999. – Вып. 3. – С. 144–152.

23. Чуваков В. Б. Порочные сделки в системе юридических фактов / В. Б. Чуваков // Сборник статей к 50-летию Е. А. Крашенинникова. – Ярославль, 2001. – С. 19–34.

24. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1995. – 556 с.

Е. Я. Мотовиловкер

(Ярославский госуниверситет)

E-mail: jakobs55@rambler.ru

Проблема определения гражданского права требования

В статье проводится критический анализ традиционного определения субъективного гражданского права как меры возможного поведения управомоченного. Обосновывается взгляд, согласно которому, гражданское право требования представляет из себя возникающую на основании определенного гражданско-правового факта реальную возможность лица удовлетворить законный интерес в совершении другим определенного действия.

Ключевые слова: субъективное гражданское право, право требования, гражданско-правовая обязанность, правоотношения, охраняемый законом интерес, заявление требования, юридический факт, реализация право требования.

Традиционное представление. Сформулированное профессором С. Н. Братусем еще в 1950 г. определение субъективного права как *меры возможного поведения самого управомоченного*¹ до сих пор является краеугольным камнем российской юридической доктрины. Имевшие место дискуссии даже не ставили под сомнение истинность этой формулировки, а касались лишь вопроса о структуре субъективного права: сколько и какие правомочия в него включать². Среди последних неизменно присутствовало правомочие требования.

¹ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8–21.

² О. С. Иоффе включал в субъективное право два правомочия: возможность совершения определенных действий самим управомоченным и возможность требовать совершения определенных действия от обязанного лица (см.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967. С. 88). Н. Г. Александров добавлял к ним третье: возможность прибегнуть к принудительной силе государственного аппарата (см.: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 225). Этот взгляд традиционен. Н. И. Матузов © Мотовиловкер Е. Я., 2015

Однако конкретное «живое» субъективное право вполне даже может существовать как право требования. Примером тому – обязательственное право кредитора, которое законодатель так и определяет: «кредитор имеет *право требовать* от должника...» (п. 1 ст. 307 ГК РФ*). Следовательно, право требования допустимо мыслить как самостоятельное целостное явление.

Правообладатель. Прежде всего заметим, что конкретное право требования *всегда принадлежит определенному субъекту*. Поэтому и называется субъективным. Само по себе оно бессмысленно, а есть то, чем *обладает*, что *имеет* некоторое лицо, скажем, сторона в договоре.

Какое бы право требования мы ни взяли, оно в принципе не может быть описано без упоминания его обладателя. Например, законодатель говорит, что : «кредитор имеет право требовать...», или «собственник вправе требовать...», или «просрочка кредитора дает должнику право...» и т. д. Иными словами, в процессе рассуждения о праве требования следует постоянно «держат в голове» его субъекта, ибо «требование» немыслимо без того, кто требует, а «право» – без того, кто его имеет³. Следовательно, право требования бессмысленно *вне своего правообладателя* и является тем, *что принадлежит* определенному лицу.

Так *что же принадлежит* правообладателю? Что он имеет, обладая правом требования? Какой термин определяет его родовую сущность?

Возможность. Здесь обратим внимание, что логика фразы «лицо вправе требовать» предполагает два вопроса: от кого и что оно вправе требовать? Ясно, что не от себя, а от другого лица, и ясно, что – совершения определенного действия.

полагает, что структуру субъективного права составляют четыре правомочия: право-поведение, право-требование, право-притязание и право пользования (см.: Матузов Н. И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологические аспекты // Правоведение. 1999. № 4. С. 138).

* Далее ГК.

³ Н. М. Коркунов замечал по этому поводу: «И право, и юридическая обязанность не могут существовать сами по себе. Они непременно составляют принадлежность какого-нибудь субъекта» (Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 144).

Таким образом, всякое субъективное право требования есть право одного лица на *конкретное действие другого*. Например, 1) право покупателя представляет собой его право на передачу вещи продавцом; 2) описывая право кредитора, законодатель дополняет «право требовать» словами «от должника исполнения обязанности», что означает «от должника совершения определенного действия».

Дальше возникает вопрос: «Как соотносится действие, точнее факт его совершения, с имеющимся у некоторого лица правом на это действие?»

Здесь обратим внимание, что довольно часто *по времени* факт существования права субъекта требовать определенного действия *не совпадает* с актом совершения действия. Легко представить себе ситуацию, когда у покупателя *наличествует* право на получение вещи и в то же время *отсутствует* сама вещь, поскольку она еще не передана продавцом, находится у него. Выходит, что некоторое право требования *уже есть, уже существует*, тогда как требуемое действие *еще не совершено*.

А если оно совершено, что происходит с правом? Что происходит с правом покупателя, когда продавец передает ему вещь? Оно продолжает существовать? Нет. Оно прекращает свое существование, как только продавец совершает действие по передаче вещи. Таким образом, *совершение действия*, право требовать которого есть у определенного лица, *реализует* это право и *погашает* его.

Здесь мы получаем термин «*реализация права*», который сыграет важнейшую роль в деле объяснения феномена субъективного права требования. Уже начинает играть хотя бы потому, что из логики этого термина следуют *два вывода*:

1. Право требования – это то, что *обладает способностью реализоваться (осуществляться)*;

2. Некоторое право требования возникает и существует у определенного лица, *будучи нереализованным*, и необходимо отличать *существование* права требования от его *реализации*.

Итак, *существующее* право требования есть *нереализованное* право требования. И, следовательно, пока оно существует, его

реализация есть *факт будущего*. Но ведь именно в этом будущем осуществлении *заклучен смысл* возникновения субъективного права. Значит, право требования существует как **возможность** своей реализации. И значит, именно *возможность совершения другим лицом определенного действия* образует пространство его существования, действительность его бытия. Иными словами, *действительность* субъективного права есть *возможность* другой действительности, которую составляет факт действия, реализующего право⁴. И нам не остается ничего другого, кроме как

⁴ Обосновывая тезис – «права и обязанности участников составляют содержание правоотношения», – Б. Л. Назаров метко замечает: «...Особое внимание мы обращаем на субъективное право как на возможность, ибо из этого следует, что субъективное право – это во всех случаях еще не поведение его обладателя, а только возможность осуществления такового» (Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 61). Вообще, многие отечественные теоретики вспоминали о мысли, согласно которой субъективное право существует тогда, когда не реализуется, лишь в полемике со сторонниками взгляда о том, что поведение образует содержание правоотношения (С. Ф. Кечекьян, О. С. Иоффе, М. А. Гурвич, Н. А. Чечина и др.). Казалось бы, здесь «рукой подать» до идеи «право–возможность». Однако, занимаясь определением субъективного права, ученые практически неизменно использовали и используют формулировку С. Н. Братуся – «мера возможного поведения управомоченного». Между тем словосочетание «возможное поведение» логически абсурдно. Факт поведения, факт совершения действия – это факт действительности, наличного бытия. Действительность же не может быть возможной как не может быть черной белизна – она либо есть, либо нет. Поэтому, определяя субъективное право как меру возможного поведения, отведя термину «возможность» роль прилагательного к существительному «поведение», теоретики по сути свели сущность права к поведению. Неслучайно многие формулировки субъективного права вообще не содержат характеристики «возможного». С. С. Алексеев, например, определяет субъективное право как «мера дозволенного поведения» (Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 114). Между тем именно потому, что акт совершения действия реализует право требования, последнее существует не как действительность поведения, не в пространстве факта совершения действия, но в пространстве возможности его наличного бытия. «Таким образом, – совершенно точно подмечает Б. Л. Назаров, – субъективное право...

«умозаключить», что «**право на**» некоторое действие по сути означает «**возможность**» совершения этого действия. Покупатель, обладающий правом требования передачи вещи, обладает возможностью получить вещь от продавца.

Такова феноменологическая природа субъективного права требования, которая выводится из констатации простого факта, именуемого «*реализация права*». То, что в принципе реализуется, то может при определенных условиях реализоваться и то существует **как возможность своей реализации**.

Об этой родовой сущности права требования законодатель заявляет прямо, когда он ситуацию «*лицо вправе*» синонимически отождествляет с «*лицо может*»⁵. Об этом же законодатель заявляет косвенно, когда устанавливает, что «ненадлежащее исполнение прекращает обязательство» (п. 1 ст. 408 ГК). В самом деле, если обязательство прекращается исполнением, значит, оно существует будучи неисполненным (иначе что прекращается?) Как существует? Как *возможность* этого исполнения, т. е. как *возможность* осуществления должником действий, реализующих право требования кредитора.

Законный интерес правообладателя в действии обязанного лица. Итак, субъективное право требования в сущности представляет собой возможность действительности, коей выступает ее *реализация*. Последняя есть факт *некоторого действия*, совершаемого *не правообладателем*, но *другим лицом* — *обязанным*. Следовательно, право требования есть право на *исполнение обязанности* и *принадлежит* одному лицу, а *осуществляется* другим. Право требования покупателя реализуется действием продавца.

следует понимать не как возможное...**поведение** определенных лиц, а как... **в о з м о ж н о с т ь**... определенного поведения участников конкретного правоотношения» (Назаров Б. Л. Указ. соч. С. 70).

⁵ «Собственник *вправе* истребовать свое имущество из чужого незаконного владения» (ст. 301 ГК). Собственник *может* требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с мнением владения» (ст. 304 ГК). См. также п. 1 ст. 15 ГК и абз. 1 п.2 ст. 15 ГК.

Выходит, что субъективное право требования – это принадлежащая определенному лицу – правообладателю – *возможность совершения другим лицом – обязанным – некоторого действия*.

Тогда вопрос: в чем *смысл* этого действия? В *удовлетворении интереса* правообладателя, причем *интереса, признанного и охраняемого законом*. Иначе зачем ему нужна возможность такого действия? Передавая вещь покупателю, продавец действует в *его интересе*. Действие, которое имеет право требовать кредитор, исполняется должником в *пользу кредитора* (п. 1 ст. 307 ГК). Именно в этой пользе заключается смысл обязанности должника.

Таким образом, определение субъективного права требования как возможности совершения обязанным действия естественно – логически *дополняется указанием на смысл* этого поведения. Тогда получается, что право требования – это *возможность правообладателя удовлетворить свой законный интерес* в совершении другим лицом определенного действия. Или – возможность совершения обязанным лицом действия, *реализующего законный интерес* обладателя права ⁶.

Заблуждение. Традиционная юридическая доктрина считает, что право требования – это а) не самостоятельное право, а б) *отдельное правомочие*, составляющее наряду с правомочием на положительные действия (у большинства авторов – и с притязанием) структуру каждого субъективного права.

Казалось бы, «требование» и «положительные действия» – это разные вещи. Однако даже в правомочии требования теоретики искали и продолжают искать возможность поведения обладателя права. По какой логике? По логике дефиниции субъективного

⁶ Здесь нельзя не отметить правоту Р. Иеринга, считавшего, что интерес образует субстанцию субъективного права и является его сущностным моментом (см.: Ihering R. v. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen Seiner Entwicklung. 2. Aufl. Leipzig, 1871 Teil 3. Abt. 1. S. 328, 338.). Определенность, конкретность интереса задает определенность и конкретность права требования, ибо реализация последнего совпадает с удовлетворением интереса (см. об этом подробно: Мотовиловкер Е. Я. Интерес как субстанция субъективного гражданского права // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Вып. 3. Ярославль, 2002. С. 34–51).

права как меры возможного поведения самого управомоченного⁷, данной проф. С. Н. Братусем

Спрашивается: в чем конкретно заключается поведение субъекта, осуществляющее принадлежащее ему право требования? Что он должен делать? «Должен требовать», – отвечают ученые. «Право требования, – считает проф. С. С. Алексеев, – это правомочие, содержание которого *состоит в возможности требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности*»⁸.

Контраргументация. Однако право требования представляет собой возможность *тех действий, которые его реализуют*, т. е. действий, удовлетворяющих конкретный интерес правообладателя. Спрашивается: можно ли среди таких действий обнаружить действие самого управомоченного, осуществляя которое он «*требует*» какого-либо исполнения от обязанного лица? Нет, невозможно, ибо *право требования* в силу природы интереса, возможностью удовлетворения которого оно является, *реализуется исключительно действием обязанного лица*. Право покупателя требовать передачи вещи осуществляется самой передачей вещи, которая (передача) есть действие исключительно и только продавца.

Отсюда следует, что *смысл реализации* субъективного права требования заключается а) не в действии «требовать исполнения обязанности», а *в самом исполнении обязанности*, б) не в требовании от обязанного действия, а в самом действии обязанного.

Таким образом, *понимание* права требования как *права управомоченного действовать* определенным образом – это *грубая ошибка*, в основании которой лежит тавтология, вызванная завроженностью ученых «этимологией фразы «право требовать» («требовать» – значит «действовать»).

За утверждением «право требования – это возможность управомоченного требовать, т. е. действовать», скрывается потеря смысла термина «требование», который отражает не действие

⁷ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8–21. «... Возможность требовать известного поведения от обязанного лица, – замечает С. С. Алексеев, – это тоже мера дозволенного поведения самого управомоченного» (Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 117).

⁸ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 118. См. также: Гражданское право: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М., 1998. С. 92.

«по требованию», а действие, которое *«требуется от»* обязанного лица для удовлетворения законного интереса правообладателя. И тогда получается, что *«требование»* как понятие представляет собой законный интерес правообладателя, который удовлетворяется действием обязанного лица. Возможность же такого осуществления и есть право требования.

Нюанс. Гражданский закон знает немало прав требований, для реализации которых необходимо действие самого правообладателя по заявлению требования. Примером тому является преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, являющееся правом участников долевой собственности требовать от сособственника, намеревающегося продать свою долю постороннему лицу, заключения с ними договора купли–продажи доли. Если обладатель этого права не заявит обязанному лицу о желании приобрести долю, то не сможет реализовать свое право требования и вообще потеряет его с истечением месячного или десятидневного срока (п. 2 ст. 250 ГК).

Здесь у теоретиков возникает соблазн поместить возможность свершения управомоченным такого действия по предъявлению требования в структуру отдельного права требования⁹.

⁹ Этот соблазн был в полной мере реализован Е. А. Крашенинниковым, который решил, что возможность кредитора предъявлять требование должнику входит наряду с правомочием требования в содержание любого и каждого обязательственного субъективного права, причем «может фигурировать либо в качестве *правомочия*, либо в качестве *субправомочия*». Теоретик приводит пример: «... субъективное право кредитора в заемном обязательстве включает в себя правомочие требования, а также правомочие займодавца на свои действия, состоящее из двух субправомочий: возможности предъявить требование заемщику и возможности принять предложенное им исполнение» (Крашенинников Е. А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 138). Интересно, как автор представляет себе действие займодавца по «предъявлению требования заемщику» после того, как состоялся договор займа и стороны в процессе его заключения уже выразили свои намерения? Есть ли смысл заявлять интерес, который уже заявлен? Вопрос риторический. Что касается принятия кредитором исполнения, то это действие вообще не образует содержание его права (правомочия, субправомочия), поскольку юридическая значимость этого акта заключается в удовлетворении

Однако подобный акт теоретического мышления представляется логически несостоятельным. Вот по каким соображениям.

Во-первых, отдав «половинку» структуры субъективного права требования возможности управомоченного заявить свой интерес, т. е. предъявить требования обязанному, отдельные теоретики по сути уравнивали ее с другим элементом – правомочием требования. Между тем субъективное право есть право *на те действия, которые его реализуют*. И если некоторое действие не входит в структуру реализации права, значит, возможность этого действия не может считаться элементом права. Предъявление управомоченным требования к обязанному играет роль лишь *необходимого условия для реализации* права, но само по себе непосредственно его не реализует. Сообщение о намерении купить долю не осуществляет право на покупку; оно лишь актуализирует обязанность продавца доли и, таким образом, приближает возникшее право требования к своему осуществлению (подобно тому, как покупка билета на спектакль не реализует интерес в спектакле, но приближает зрителя к его просмотру).

Следовательно, поскольку с точки зрения исполнения требования действие управомоченного по его заявлению 1) носит чисто процессуальный характер и 2) не входит в структуру реализации самого права, нет никакой логики в том, чтобы включать возможность этого действия в структуру субъективного права требования, тем более в качестве полноправного элемента правомочия (так что покупка билета не входит в структуру театрального действия).

Во-вторых. Вряд ли есть какой-либо смысл в том, чтобы говорить о возможности лица заявить требование как о его праве на такое действие, пусть даже в уменьшительном значении правомочия. *Отдельность* правомочия предполагает *отдельность интереса*, который собственно *регламентируется*. Между тем интерес в предъявлении требования самостоятельного значения не имеет. Он служит другому интересу, который осуществляется другим

интереса должника (но не кредитора), и, следовательно возможность принятия исполнения есть обязанность кредитора (см. об этом: Мотовиловкер Е. Я. Догма о структуре субъективного права // Законы России. 2013. № 12. С. 85–88.

действием другого—обязанного лица. Этот интерес может быть нарушен и защищается законодателем. Поэтому этот охраняемый законом интерес и существует *в форме субъективного права требовать* его удовлетворения.

Таким образом, сама по себе возможность лица заявить требование обязанному субъекту не может считаться правомочием.

Юридический факт. Следующий шаг к определению права требования заключается в вопросе: что является *причиной возникновения* у некоторого лица возможности удовлетворить законный интерес в действии обязанного лица? Собственно, откуда она берется? Очевидно, оттуда же, откуда берется сам *интерес правообладателя*.

И поскольку речь идет об определенном интересе определенного субъекта, то он, следовательно, существует у последнего не всегда, а появляется вследствие *определенной фактической ситуации*, т. е. имеет *конкретное основание своего возникновения*. Например, законный интерес в передаче вещи продавцом возникает у покупателя тогда, когда заключен договор купли—продажи. Тогда же возникает возможность реализации этого интереса, которое и есть право требования передачи вещи.

Таким образом, каждое гражданское субъективное право требования имеет *основание своего возникновения*, именуемое **юридический факт**.

Внутренняя логика юридического факта заключается в том, что он *порождает возможность действия* обязанного лица, т. е. право на действие, но не само действие. Обещание дарения как сделка не рождает самого дарения, но влечет возможность безвозмездной передачи вещи. Точно так же факт причинения вреда создает лишь возможность возмещения вреда, т. е. право требования, но не само действие по возмещению.

Реальная возможность. Юридический факт, порождающий субъективное право требования, — это именно *юридический факт*, предусмотренный в гипотезе нормы права. Сие означает, что некоторая фактическая ситуация *интересует* законодателя и регламентируется им. Как регламентируется? Во-первых,

путем констатации *определенного интереса* у лица, оказавшегося в данных фактических обстоятельствах, причем такого интереса, *который осуществляется действием* попавшего в ту же ситуацию *другого лица*. Во-вторых, путем признания *возможности осуществления* этого интереса, что по сути и означает *наделение заинтересованного субъекта правом требования*.

Отсюда следуют два принципиальных вывода.

1. Субъективное право требования представляет из себя именно *реальную* возможность удовлетворения интереса, поскольку все условия его возникновения, существования и реализации прослеживаются законодателем в норме права.

2. Конкретный *законный интерес* лица в совершении другим определенного действия, *всегда возникает в форме права требования*, которым обладает заинтересованное лицо.

Определение. Гражданское право требования – это

1) возникающая на основании определенного *гражданско-правового факта* (например, на основании сделки) *реальная возможность лица (правообладателя)*; 2) удовлетворить свой *охраняемый законом интерес*; 3) в совершении другим лицом (обязанным) *определенного действия*.

Список использованной литературы

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М., 1982, – Т. 2. – 360 с.
2. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М., 1967. – 494 с.

Регламентация действия договора уступки в обновленном Гражданском кодексе РФ

В статье с учетом наработок отечественной и европейской цивилистической доктрины анализируются предписания обновленной редакции главы 24 Гражданского кодекса РФ, посвященные регламентации правовых последствий цессионного договора. Автор приходит к выводу о неудачности формулировок некоторых из новелл, вступивших в силу 01.07.2014 г., и необходимости их корректировки.

Ключевые слова: уступка требования, цессия, распорядительная сделка, обязательственная сделка, будущее требование, правопреемство.

Гражданский кодекс РФ, подобно многим современным зарубежным кодификациям, исходит из принципа транзитивности права требования и, в частности, допускает возможность его передачи посредством сделки *inter vivos*, в качестве которой выступает уступка требования (п. 1 ст. 382 ГК РФ).

1. Уступка требования, или, что одно и то же, цессия, представляет собой договор, посредством которого кредитор (цедент) передает свое требование другому лицу (цессионарию). Подобный взгляд на сущность уступки требования доминирует как в западноевропейской (прежде всего, германской, швейцарской и австрийской), так и в отечественной литературе. Так, В. Matthiaß отмечает, что «передача требования прежним кредитором новому кредитору происходит посредством договора (уступка)»¹. «Правосуделочная передача требования, – указывает О. v. Gierke, – осуществляется посредством договора между прежним и новым кредитором»². L. Enneccerus пишет: «Уступка (цессия) есть договор, посредством

¹ Matthiaß В. Lehrbuch des bürgerlichen Rechtes. 5 Aufl. Berlin, 1910. S. 246.

² v. Gierke О. Deutsches Privatrecht. München und Leipzig, 1917. Bd. 3. S. 181.

© Чуваков В. Б., 2015

которого прежний кредитор передает требование новому кредитору»³. Как утверждает Т. Guhl, «уступка требования (цессия) концептуально представляет собой передачу требования из обязательства посредством договора между прежним кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием)»⁴. Более лаконичен I. Schwenzer: «Уступка совершается посредством договора между цедентом и цессионарием»⁵. Н. Koziol и R. Welser полагают, что «для правосделочной уступки требуется соглашение между старым кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием)»⁶. По мнению Д. И. Мейера, «...передача права по обязательству происходит по соглашению о том между верителем и сторонним лицом, приобретающим право»⁷. И. Б. Новицкий категорично указывает: «Уступка требования кредитором другому лицу производится по соглашению между ними. Таким образом, уступка требования есть договор»⁸. По свидетельству Е. А. Крашенинникова, «право-сделочная передача требования происходит, как правило, через простой договор уступки», т. е. «договор, посредством которого кредитор (цедент) передает свое требование другому лицу (цессионарию)»⁹. «Договором уступки требования (цессии), – пишет А. В. Вошатко, – называется договор, по которому кредитор (цедент) передает другому лицу (цессионарию) свое право требования»¹⁰. С 01.07.2014 г. договорная

³ Enneccerus L., Lehmann H. Recht der Schuldverhältnisse. 14 Aufl. Tübingen, 1954. S. 299.

⁴ Guhl T. Das schweizerische Obligationenrecht mit Einschluss des Handels- und Wertpapierrechts. 8 Aufl. Zürich, 1995. S. 244.

⁵ Schwenzer I. Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil. Bern, 1998. S. 459.

⁶ Koziol H., Welser R. Grundriss des bürgerlichen Rechts. 12 Aufl. Wien, 2001. Bd. 2. S. 116.

⁷ Мейер Д. И. Русское гражданское право. 5-е изд. М., 1873. С. 345.

⁸ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 223.

⁹ Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования // Очерки по торговому праву. Ярославль, 1999. Вып. 6. С. 3, 7.

¹⁰ Вошатко А. В. Договор уступки как распорядительная сделка // Сборник статей к 50-летию Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2001. С. 61.

природа цессии находит свое обоснование в абз. 2 п. 1 ст. 388¹, п. 2 ст. 389 и п. 3 ст. 390 ГК РФ, которые для ее обозначения оперируют выражением «соглашение об уступке» (о терминологической непоследовательности обновленной редакции гл. 24 ГК РФ см. ниже, п. 3). Эти новеллы, по-видимому, должны поставить точку в развернувшейся в отечественной литературе дискуссии о сущности уступки требования¹¹.

Цессионный договор не обосновывает требование, но, предполагая существование последнего, изменяет его принадлежность: требование выделяется из имущественной массы cedenta и переходит в имущественную массу нового кредитора (цессионария)¹². В таком изменении принадлежности требования заключается действие договора уступки.

2. С точки зрения cedenta, который отказывается от своего требования в пользу цессионария, договор уступки является распорядительной сделкой¹³. Распорядительный характер цессии является неоспоримым в западноевропейской литературе¹⁴.

¹¹ Подробнее об этом см.: Вошатко А. В. О сущности уступки требования // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2000. Вып. 7. С. 15–24; Его же. Правосудочная природа уступки требования // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2002. Вып. 9. С. 20–28.

¹² Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. 14 Aufl. München, 1987. Bd. 1. S. 577; Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. 7 Aufl. Heidelberg, 1993. Bd. 1. Teilbd. 2. S. 283.

¹³ «Под распорядительными понимаются такие сделки, которые направлены на то, чтобы непосредственно воздействовать на существующее право, будь то: изменить его по содержанию, перенести, обременить или прекратить» (Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9 Aufl. München, 2004. S. 411). Сходные определения распорядительных сделок дают и другие авторы (см., напр.: Lehmann H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin, 1947. S. 78; Schwenger I. Op. cit. S. 13; Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB. 8 Aufl. Heidelberg, 2002. S. 89; Koziol H., Welser R. Grundriss des bürgerlichen Rechts. 13 Aufl. Wien, 2006. Bd. 1. S. 118).

¹⁴ См., напр.: Leonhard F. Allgemeines Schuldrecht des BGB. München und Leipzig, 1929. S. 671 – 672; Bucher E. Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil ohne Deliktsrecht. 2 Aufl. Zürich, 1988. S. 536; Guhl T. Op. cit. S. 244; Brömmelmeyer C. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. München, 2014. S. 282.

Е. А. Суханов, невзирая на аргументированную критику его взгляда¹⁵, упорствует в отрицании существования распорядительных сделок в российском правовом порядке и принадлежности уступки требования к их числу, ссылаясь исключительно на то, что отечественному правовому порядку категория «распорядительной сделки» якобы неизвестна¹⁶. Между тем понимание уступки требования в качестве сделки, имеющей распорядительный характер, довольно прочно укоренилось в отечественной науке¹⁷ и судебной практике¹⁸.

Договор уступки как распорядительную сделку нельзя смешивать с обязательственным договором, обосновывающим обязанность совершить уступку (например, с договором купли-продажи

¹⁵ См.: Чуваков В. Б. Является ли бланковая уступка договором в пользу третьего лица? // Сборник статей к 55-летию Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2006. С. 51. Прим. 3; Крашенинников Е. А. Распорядительные сделки // Сборник статей памяти М. М. Агаркова. Ярославль, 2007. С. 23–24. Прим. 3.

¹⁶ См.: Российское гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд. М., 2011. Т. 2. С. 62. Прим. 2.

¹⁷ См., напр.: Гражданское право / под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 297–298 (автор главы – М. М. Агарков); Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования. С. 7; Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 824 (автор главы – А. А. Павлов); Васнёв В. В. Срок вступления договора в силу // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 1. С. 86–87; Вошатов А. В. Распорядительный характер цессии: отдельные аспекты // Проблемы гражданского права и процесса. Ярославль, 2014. Вып. 4. С. 72 и след.; Белов В. А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий) // Закон. 2014. № 9. С. 118.

¹⁸ См., напр.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20.04.2000 г. № КГ-А40/1415-00 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 17.09.2002 г. № КГ-А41/6086-02 // Там же; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.09.2007 г. № КГ-А40/7490-07 // Там же; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.09.2009 г. по делу № А42-917/2008 // Там же.

требования)¹⁹. Этого смещения не удалось избежать А. В. Вошатко, который находит нормативное обоснование договорной природы уступки требования в п. 1 ст. 1216 ГК РФ. Это предписание, по его мнению, «определяя право, подлежащее применению к уступке требования, называет ее соглашением между первоначальным и новым кредиторами»²⁰. В действительности п. 1 ст. 1216 ГК РФ, несмотря на заголовок данной статьи, определяет право, которое подлежит применению не к уступке требования, а к лежащему в ее основании обязательственному договору. Поэтому неслучайно приведенное предписание содержит отсылку к положениям ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору, в том числе к п. 1 ст. 1211 ГК РФ, который гласит: «Если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или другим законом, при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора» (разр. моя. – В. Ч.; до 01.11.2013 г. аналогичное предписание содержалось в п. 2 ст. 1211 ГК РФ). Исполнение договора, равно как и отказ от его исполнения, представляют собой конструкции, рассчитанные только на обязательственные договоры и не подлежащие применению к договору уступки как распорядительной сделке, о чем нас извещает сам автор в своей более поздней работе²¹. Что же касается права, подлежащего применению к уступке требования, то оно, вопреки противоположному мнению А. В. Вошатко, определяется не п. 1 ст. 1216 ГК РФ, а предписанием, заключенным в п. 2 этой статьи: «Допустимость уступки требования,

¹⁹ Guhl T. Op. cit. S. 244; Brox H., Walker W.-D. Allgemeines Schuldrecht. 29 Aufl. München, 2003. S. 360; Medicus D. Schuldrecht I. Allgemeiner Teil. 15 Aufl. München, 2004. S. 354; Крашенинников Е. А. Понятие договора уступки // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики. Владивосток, 2001. С. 84.

²⁰ Вошатко А. В. Правосудочная природа уступки требования. С. 24.

²¹ См.: Вошатко А. В. Договор уступки требования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 9.

отношения между новым кредитором и должником, условия, при которых это требование может быть предъявлено к должнику новым кредитором, вопрос о надлежащем исполнении обязательства должником определяются по праву, подлежащему применению к требованию, являющемуся предметом уступки»²². Однако нормативного обоснования договорной природы уступки требования данное предписание не содержит.

Договор уступки и лежащий в его основании обязательственный *pactum de cedendo* необходимо различать даже в том случае, если они заключаются одновременно и оформляются единым документом. Г. Ф. Шершеневич с полным основанием указывал: «Во всяком случае акт передачи права, называемый цессией, отличен от сделки, служащей ему основанием, от дарственного или возмездного отчуждения, хотя чаще всего оба акта сливаются, по-видимому, в одно. Но по существу они так же отличны, как передача материальных вещей и лежащий в основе ее договор»²³. Аналогичным образом рассуждают и европейские исследователи: «Поскольку в практике не проводится четкого разграничения между уступкой требования и ее обязательственным договорным основанием, одновременно с куплей-продажей требования, как правило, молчаливо совершается также его непосредственная передача... Но даже тогда, когда это происходит, молчаливо совершенный абстрактный договор уступки (распорядительную сделку) юридически нужно четко отграничивать от каузальной сделки»²⁴. В целом соглашаясь с необходимостью различения уступки требования и ее договорного основания, К. А. Горбатов сетует на то, что «никому из авторов не удалось ясно показать момент перехода обязательственной сделки в цессию как таковую, когда две сделки содержатся в одном документе»²⁵. Представляется, что этот

²² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2011. С. 346–348 (автор комментария – А. А. Павлов).

²³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М., 1911. С. 417.

²⁴ Ennecerus L., Lehmann H. Op. cit. S. 299–300.

²⁵ Горбатов К. А. Абстрактность и каузальность цессии // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 158.

момент не удалось (да и никогда не удастся) «показать», потому что обязательственная и распорядительная сделки, будучи направленными на вызывание принципиально различных правовых последствий, имеют самостоятельный характер, в силу чего одна никогда не «переходит» в другую. А если нет никакого перехода обязательственной сделки в распорядительную, не существует и момента, в который этот переход мог бы состояться. Стало быть, мечта определить такой момент несбыточна.

На отличие «соглашения об уступке» как обязательственной сделки и распорядительной «сделки уступки» справедливо обращалось внимание в пункте 1 Обзора практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.10.2007 г. № 120²⁶. Эта же идея, но с использованием иной терминологии в настоящее время отражена в обновленной редакции гл. 24 ГК РФ, в предписаниях которой проводится (хотя и непоследовательно, см. ниже, п. 3) разграничение распорядительного «соглашения об уступке» (абз. 2 п. 1 ст. 388¹, п. 2 ст. 389 и п. 3 ст. 390 ГК РФ) либо распорядительной «сделки по уступке» (абз. 2 п. 2 ст. 382 ГК РФ), с одной стороны, и обязательственного «договора, на основании которого производится уступка» (п. 1, 2 ст. 389¹ ГК РФ) либо обязательственной «сделки, на основании которой производится уступка» (абз. 1 п. 1 ст. 388¹ ГК РФ), с другой стороны.

3. По общему правилу, договор уступки проявляет свое действие в момент его заключения. Однако стороны могут предусмотреть, что право требования перейдет к цессионарию с наступлением указанного в договоре условия или срока²⁷.

А. При предварительной цессии (уступке будущего или отлагательно обусловленного требования) замена кредитора произойдет только тогда, когда соответствующее требование

²⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 1.

²⁷ Heinrichs H. Kommentar zu § 398 // Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch. Kurzkommentar. 62 Aufl. München, 2003. S. 589; Грачёв В. В. Уступка вексельного притязания // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2002. Вып. 9. С. 57. Прим. 14.

возникнет²⁸, если только стороны не оговорили, что его переход состоится позднее (п. 2 ст. 388¹ ГК РФ).

Возможность уступки будущих требований не противоречит существу цессионного договора и как сама собой разумеющаяся признается в западноевропейской литературе²⁹. Поскольку до недавнего времени в нашем законодательстве отсутствовал запрет на уступку будущих требований, в литературе отмечалось, что возможность уступки будущих требований не исключается и российским правопорядком³⁰. Вступившее в силу 01.07.2014 г. предписание абз. 1 п. 1 ст. 388¹ ГК РФ допускает уступку будущего требования при условии, что она «производится на основании сделки, связанной с осуществлением ее сторонами предпринимательской деятельности», и тем самым исключает предварительную цессию из сферы бытовых отношений. Такой дифференцированный подход к решению вопроса о допустимости уступки будущих требований не имеет какого бы то ни было разумного обоснования и представляет собой подлежащее изъятию из закона произвольное ограничение свободы договора.

По вопросу о том, каким образом цессионарий приобретает будущее требование, в литературе сложились две теории. Согласно «теории непосредственности» («*Unmittelbarkeitstheorie*») такое требование возникает непосредственно в имуществе

²⁸ Larenz K. Op. cit. S. 585; Esser J., Schmidt E. Op. cit. S. 284; Schwenzler I. Op. cit. S. 462; Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования. С. 25.

²⁹ См., напр.: v. Gierke O. Op. cit. S. 186; Enneccerus L., Lehmann H. Op. cit. S. 302; Roth G.H. Kommentar zu § 398 // Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Herausgegeben von K. Rebmann und F.J. Säcker. 3 Aufl. München, 1994. Bd. 2. S. 1578 ff.; Brömmelmeyer C. Op. cit. S. 284.

³⁰ См.: Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования. С. 16–18, 25; Вошатко А. В. Договор уступки как распорядительная сделка. С. 64; Новоселова Л. А. Сделки по уступке будущих прав требования // Хозяйство и право. 2002. № 10. С. 66 и след.; Чуваков В. Б. К вопросу об уступке будущих требований // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, 30–31 октября 2003 г.: Юридические науки. Ярославль, 2003. С. 9–13.

цессионария. В соответствии с «теорией промежуточности» («Durchgangserwerbstheorie») уступленное будущее требование возникает в лице cedenta и затем через «логическую» («юридическую») секунду автоматически переходит к цессионарию³¹. «Теория непосредственности» не согласуется с распорядительным характером уступки, который проявляется в том, что уступленное требование выделяется из имущества cedenta и переходит в имущество цессионария. Поэтому предпочтение должно быть отдано свободной от указанного недостатка «теории промежуточности». В связи с этим не вызывает серьезных нареканий воспринявшее эту теорию предписание п. 2 ст. 388¹ ГК РФ: «Если иное не установлено законом, будущее требование переходит к цессионарию с момента его возникновения. Соглашением сторон может быть предусмотрено, что будущее требование переходит позднее» (разр. моя. – В. Ч.).

Б. Пункт 2 ст. 389¹ ГК РФ гласит: «Требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, если законом или договором не предусмотрено иное». Данное предписание, расположившееся следом за ст. 389 ГК РФ, изготовлено кустарным способом, поскольку допускает возможность его двоякого истолкования. Если под «договором, на основании которого производится уступка», понимать обязывающий к совершению уступки каузальный договор, то процитированное предписание п. 2 ст. 389¹ ГК РФ окажется лишенным здравого смысла. В переходе требования к цессионарию заключается правовое последствие договора уступки, а не договора, обязывающего эту уступку совершить. Лежащий в основании уступки обязательственный договор по самой своей природе не способен определять момент вступления в силу распорядительного договора уступки, который к этому времени может быть еще не заключен. Не исключена также ситуация, при которой вытекающая из каузального договора обязанность совершить уступку вообще не будет исполнена, а несостоявшийся договор уступки, если верить анализируемому предписанию, уже

³¹ См.: Guhl T. Op. cit. S. 248 – 249; Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования. С. 16, 17.

проявит свое действие. Если же под маской «договора, на основании которого производится уступка», скрывается сам цессионный договор, то такое рациональное истолкование п. 2 ст. 389¹ ГК РФ существенно затруднит уяснение смысла предписаний, содержащихся в ст. 389 ГК РФ. Коль скоро распорядительный договор уступки именуется «договором, на основании которого производится уступка», то предписание п. 2 ст. 389 ГК РФ, указывающее на необходимость государственной регистрации «соглашения об уступке требования», вытекающего из требующей государственной регистрации сделки, должно распространяться не на договор уступки, а на обязательственный **pactum de ceden-do**. Но если это так, тогда по какой причине данное предписание, устанавливающее, в частности, необходимость государственной регистрации договора купли–продажи требования об уплате арендной платы из долгосрочного договора аренды здания, оказалось расположенным в гл. 24 ГК РФ, а не в главе ГК РФ о договоре купли–продажи? Форму какой сделки в таком случае определяет п. 1 ст. 389 ГК РФ, называя ее просто «уступкой требования», если договор уступки именуется в ГК РФ «договором, на основании которого производится уступка», а договор, обязывающий к ее совершению, – «соглашением об уступке требования»? Или в каждом из упомянутых предписаний речь идет о трех различных сделках?

Очевидно, что в п. 2 ст. 389¹ ГК РФ, равно как и в предписаниях ст. 389 ГК РФ, имеется в виду сделка, непосредственно направленная на то, чтобы перенести принадлежащее cedentu требование на цессионария, т. е. распорядительный договор уступки. Чтобы исключить возможность неоднозначного толкования предписания п. 2 ст. 389¹ ГК РФ, последнее необходимо изложить в следующей редакции: «Требование переходит к цессионарию в момент заключения договора уступки, если законом или договором не предусмотрено иное». Соответствующие изменения, унифицирующие используемую законодателем терминологию, должны быть внесены в другие предписания гл. 24 ГК РФ, в том числе в абз. 2 п. 2 ст. 382, п. 1 ст. 388¹, ст. 389, п. 1 ст. 389¹ и п. 3 ст. 390 ГК РФ.

4. Действие договора уступки заключается в изменении принадлежности уступленного требования без изменения его содержания³², т. е. имеет место транслятивное сингулярное правопреемство в этом требовании, при котором цессионарий приобретает то же самое право, которое принадлежало его предшественнику³³. Несмотря на переход к новому кредитору, уступленное требование рассматривается как старое, а не как новое требование³⁴.

Требование переходит к цессионарию со всеми качествами, которые оно имеет, т. е. со всеми его преимуществами и недостатками. Посредством уступки требования, которая происходит без содействия должника, правовое положение последнего не должно подвергаться отрицательным изменениям³⁵. Поэтому должник вправе выдвигать против требования нового кредитора материальные и процессуальные возражения, которые он имел против первоначального кредитора, если основания для таких возражений возникли к моменту получения уведомления о переходе требования к новому кредитору (ст. 386 ГК РФ).

Список использованной литературы

1. Blomeyer, A. Allgemeines Schuldrecht. 3 Aufl. / A. Blomeyer. – Berlin und Frankfurt a.M., 1964. – 325 S.
2. Brömmelmeyer, C. Schuldrecht. Allgemeiner Teil / C. Brömmelmeyer. – München, 2014. – 416 S.
3. Brox, H. Allgemeines Schuldrecht. 29 Aufl. / H. Brox, W.-D. Walker. – München, 2003. – 441 S.

³² v. Gierke O. Op. cit. S. 192.

³³ Lehmann H. Op. cit. S. 96; Крашенинников Е. А. Приобретение гражданских прав // Сборник статей памяти М. М. Агаркова. Ярославль, 2007. С. 5.

³⁴ Ennecerus L., Lehmann H. Op. cit. S. 299. Anm. 1; Вошатко А. В. Договор уступки требования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

³⁵ Blomeyer A. Allgemeines Schuldrecht. 3 Aufl. Berlin und Frankfurt a.M., 1964. S. 271; Larenz K. Op. cit. S. 586.

4. Bucher, E. Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil ohne Deliktsrecht. 2 Aufl. / E. Bucher. – Zürich, 1988. – 743 S.
5. Ennecerus, L. Recht der Schuldverhältnisse. 14 Aufl. / L. Ennecerus, H. Lehmann. – Tübingen, 1954. – 1052 S.
6. Esser, J. Schuldrecht. 7 Aufl. / J. Esser, E. Schmidt. – Heidelberg, 1993. – Bd. 1. Teilbd. 2. – 352 S.
7. v. Gierke, O. Deutsches Privatrecht / O. v. Gierke. – München und Leipzig, 1917. – Bd. 3. – 1036 S.
8. Guhl, T. Das schweizerische Obligationenrecht mit Einschluss des Handels- und Wertpapierrechts. 8 Aufl. / T. Guhl. – Zürich, 1995. – 953 S.
9. Heinrichs, H. Kommentar zu § 398 / H. Heinrichs // Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch. Kurzkommentar. 62 Aufl. – München, 2003. – S. 589 – 594.
10. Koziol, H. Grundriss des bürgerlichen Rechts. 13 Aufl. / H. Koziol, R. Welser. – Wien, 2006. – Bd. 1. – 615 S.
11. Koziol, H. Grundriss des bürgerlichen Rechts. 12 Aufl. / H. Koziol, R. Welser. – Wien, 2001. – Bd. 2. – 578 S.
12. Larenz, K. Lehrbuch des Schuldrechts. 14 Aufl. / K. Larenz. – München, 1987. – Bd. 1. – 668 S.
13. Larenz, K. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9 Aufl. / K. Larenz, M. Wolf. – München, 2004. – 985 S.
14. Lehmann, H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches / H. Lehmann. – Berlin, 1947. – 384 S.
15. Leonhard, F. Allgemeines Schuldrecht des BGB / F. Leonhard. – München und Leipzig, 1929. – 772 S.
16. Matthiaß, B. Lehrbuch des bürgerlichen Rechtes. 5 Aufl. / B. Matthiaß. – Berlin, 1910. – 800 S.
17. Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB. 8 Aufl. / D. Medicus. – Heidelberg, 2002. – 494 S.
18. Medicus D. Schuldrecht I. Allgemeiner Teil. 15 Aufl. / D. Medicus. – München, 2004. – 427 S.
19. Roth, G. H. Kommentar zu § 398 / G. H. Roth // Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Herausgegeben von K. Rebmann und F.J. Sacker. 3 Aufl. – München, 1994. – Bd. 2. – S. 1558–1609.

20. Schwenzer, I. Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil / I. Schwenzer. – Bern, 1998. – 543 S.

21. Белов, В. А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве: (общий обзор и комментарий) / В. А. Белов // Закон. – 2014. – № 9. – С. 112–127.

22. Васнёв, В. В. Срок вступления договора в силу / В. В. Васнёв // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 1. – С. 85–95.

23. Вошатко, А. В. О сущности уступки требования / А. В. Вошатко // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2000. – Вып. 7. – С. 15–24.

24. Вошатко, А. В. Договор уступки как распорядительная сделка / А. В. Вошатко // Сборник статей к 50-летию Е. А. Крашенинникова. – Ярославль, 2001. – С. 61–73.

25. Вошатко, А. В. Правосделочная природа уступки требования / А. В. Вошатко // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2002. – Вып. 9. – С. 20–34.

26. Вошатко, А. В. Договор уступки требования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Вошатко. – СПб., 2009. – 24 с.

27. Вошатко, А. В. Распорядительный характер цессии: отдельные аспекты / А. В. Вошатко // Проблемы гражданского права и процесса. – Ярославль, 2014. – Вып. 4. – С. 72–83.

28. Горбатов, К. А. Абстрактность и каузальность цессии / К. А. Горбатов // Вестник гражданского права. – 2012. – № 3. – С. 155–173.

29. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2008. – Т. 1. – 1006 с.

30. Гражданское право / под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. – М., 1944. – Т. 1. – 419 с.

31. Грачёв, В. В. Уступка вексельного притязания / В. В. Грачёв // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2002. – Вып. 9. – С. 51–66.

32. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2011. – 392 с.

33. Крашенинников, Е. А. Основные вопросы уступки требования / Е. А. Крашенинников // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 1999. – Вып. 6. – С. 3–32.

34. Крашенинников, Е. А. Понятие договора уступки / Е. А. Крашенинников // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики. – Владивосток, 2001. – С. 83–87.

35. Крашенинников, Е. А. Приобретение гражданских прав / Е. А. Крашенинников // Сборник статей памяти М. М. Агаркова. – Ярославль, 2007. – С. 4–9.

36. Крашенинников, Е. А. Распорядительные сделки / Е. А. Крашенинников // Сборник статей памяти М. М. Агаркова. – Ярославль, 2007. – С. 22–32.

37. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 5-е изд. – М., 1873. – 730 с.

38. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М., 1950. – 416 с.

39. Новоселова, Л. А. Сделки по уступке будущих прав требования / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2002. – № 10. – С. 64–75.

40. Российское гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. – 2-е изд. – М., 2011. – Т. 2. – 1207 с.

41. Чуваков, В. Б. К вопросу об уступке будущих требований / В. Б. Чуваков // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, 30–31 октября 2003 г.: Юридические науки. – Ярославль, 2003. – С. 9–13.

42. Чуваков, В. Б. Является ли бланковая уступка договором в пользу третьего лица? / В. Б. Чуваков // Сборник статей к 55-летию Е. А. Крашенинникова. – Ярославль, 2006. – С. 50–56.

43. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 9-е изд. – М., 1911. – 851 с.

Изменение вексельного должника

В статье рассматривается вопрос об изменении вексельного должника, а именно виды такого изменения, правовая природа перевода вексельного долга, оформление изменения должника, судьба обеспечительных прав при изменении вексельного должника

Ключевые слова: вексель, вексельное обязательство, вексельный должник, перевод долга, аваль

Пассивная сторона вексельного обязательства представлена вексельным должником. Если изменения на стороне вексельного кредитора происходят довольно часто, то изменения вексельного должника – явление довольно редкое. Субъектный состав пассивной стороны вексельного обязательства изменяется в случае принятия на себя чужого вексельного долга и в порядке универсального правопреемства.

Кроме того, в вексельных правоотношениях появление новых должников, противостоящих вексельному кредитору, происходит путем индоссирования, авалирования и акцепта векселя. Но здесь имеет место изменение в пассивной стороне комплексного вексельного обязательства, а не его структурных элементов – единичных вексельных обязательств. Между тем именно перемена должника в отдельно взятом вексельном обязательстве и будет предметом нашего рассмотрения.

Вступление третьего лица в единичное вексельное обязательство возможно несколькими способами.

Во-первых, третье лицо может заключить с вексельным кредитором договор об уплате вексельной суммы. В силу этого договора третье лицо становится обязанным перед кредитором наряду с уже существующим вексельным должником. По своей природе это обязательственный абстрактный договор, заключаемый

между новым должником и векселедержателем. Согласия обязанного по векселю лица на заключение этого договора не требуется. Кроме того, третье лицо (промиттент) и вексельный должник (стипулянт) могут заключить договор таким образом, что вексельный кредитор (дестинатор) получит право требования к промиттенту (ст. 430 ГК РФ)¹. В обоих случаях третье лицо присоединяется к вексельному долгу, а обязательство вексельного должника (например, векселедателя) становится солидарным вексельным обязательством с пассивной множественностью лиц. Эта операция именуется кумулятивным принятием на себя чужого долга (*kumulative Schuldübernahme, Schuldbeitritt*)². Поскольку прежний должник не освобождается от долга, здесь нельзя говорить о переводе долга, как это делает М. М. Агарков³.

Подпись нового вексельного должника должна присутствовать на самом векселе или аллонже, так как вексельное законодательство допускает оформление отдельным актом только авалья (абз. 1 ст. 31 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341, далее – Положение о переводном и простом векселе), а копия векселя предназначена лишь для авалирования и индоссирования (абз. 3 ст. 67 Положения о переводном и простом векселе).

Кумулятивное принятие чужого вексельного долга практически не встречается, поскольку задачу появления нового дополнительного должника по векселю может выполнить аваль, урегулированный вексельным законодательством. Однако аваль отличается от кумулятивного принятия чужого долга прежде всего тем, что авалист является охранительным вексельным должником, тогда

¹ От этого договора следует отличать заключаемый между третьим лицом и должником договор о принятии на себя исполнения чужой обязанности (*Erfüllungsübernahme*), в силу которого третье лицо обязано перед должником погасить его долг кредитору. При этом кредитор не приобретает право требования к третьему лицу.

² Fikentscher W., Heinemann A. *Schuldrecht*. 10. Aufl. Berlin, 2006. S. 367.

³ Агарков М. М. Перевод долга // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. 2. С. 115.

как кумулятивный должник вступает в регулятивное вексельное обязательство. Если это обязательство прямого платежа, то вексель при наступлении срока оплаты может быть предъявлен кумулятивному должнику для платежа, тогда как авалисту вексель для оплаты не предъявляется⁴.

Отличается кумулятивный перевод вексельного долга и от посредничества на случай. Посредник на случай неплатежа не является вексельным должником. Вексель предъявляется ему для оплаты при отказе плательщика от платежа. В противоположность этому кумулятивный должник обязан по векселю и вексель может быть предъявлен для оплаты как ему, так и первоначальному должнику без соблюдения какой-либо последовательности. Что касается акцептанта-посредника, то он вступает в вексельные отношения не в любое время как кумулятивный должник, а только при наличии отказа в акцепте (абз. 1 ст. 56 Положения о переводном и простом векселе). В отличие от кумулятивного должника посредник выступает как единственный плательщик по векселю⁵.

Во-вторых, вексельный долг может поменять своего субъекта таким образом, что на место прежнего должника заступит новый должник. Это и есть перевод долга в собственном смысле (п. 1 ст. 391 ГК РФ), или, что одно и то же, привативное принятие на себя чужого долга (*privative Schuldübernahme*)⁶. Его следует рассмотреть подробнее⁷.

⁴ От поручительства эта конструкция отличается тем, что поручитель обеспечивает исполнение чужого долга и его обязательство является аксессуарным, тогда как кумулятивный должник имеет самостоятельную обязанность перед кредитором (см.: Grüneberg Ch. Überblick vor § 414 // Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch. Kurzkommentar. 66 Aufl. S. 600).

⁵ Наличие в вексельных отношениях акцептанта-посредника не исключает последующий акцепт тратты трассатом. В этом случае оба этих лица будут выступать как кумулятивные плательщики, но их ответственность будет различной (ср.: ст. 28 и 58 Положения о переводном и простом векселе).

⁶ Fikentscher W., Heinemann A. Op. cit. S. 367.

⁷ Наряду с кумулятивным и привативным принятием иногда выделяют альтернативное принятие на себя чужого долга (*alternative Schuldübernahme*), при котором кредитор получает право выбора между двумя должниками – прежним и новым. Такая конструкция

В принципе перевод долга может осуществляться посредством договора между кредитором и новым должником, а также между первоначальным должником⁸ и новым должником.

Заключение первого из названных договоров предусмотрено § 414 BGB. По мнению некоторых отечественных авторов, такой договор можно было заключить и в условиях нашего правопорядка⁹. Однако освобождение должника от его обязанности, представляя собой имущественную выгоду, не может произойти помимо его воли, кроме случаев, прямо предусмотренных законом (например, ст. 430 ГК РФ). Поэтому по ранее действовавшему законодательству должник не мог быть освобожден от своего долга посредством договора, заключенного кредитором с третьим лицом¹⁰. Однако в связи с изменениями в гражданское законодательство, внесенными Федеральным законом от 21 декабря 2013 года № 367-ФЗ, этот вывод должен быть скорректирован.

Абзац 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ в настоящее время прямо предписывает, что в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга

не находит практического применения (см.: Fikentscher W., Heine-mann A. Op. cit. S. 367).

⁸ Термин «первоначальный» употребляется в условном смысле. Освобождающимся должником может быть и лицо, ранее принявшее на себя долг другого лица.

⁹ «Возможность его (договора о переводе долга, заключенного между кредитором и новым должником. – В. Г.) вытекает из права кредитора освободить должника от обязанности без согласия последнего» (Агарков М. М. Указ. соч. С. 116). «...Поскольку в результате так называемого перевода долга первоначальный должник освобождается от обязательства, принципиально можно обойтись и без его участия, ограничившись соглашением кредитора с новым должником» (см.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 229). «В силу принципа свободы договора нет препятствий к использованию такого варианта и в рамках современного отечественного правопорядка» (Павлов А. А. Перевод долга // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2007. Вып. 14. С. 52).

¹⁰ Байгушева Ю. В. Гарантийное обязательство // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2005. Вып. 12. С. 54. Прим. 23.

может быть произведен по соглашению между кредитором и новым должником, согласно которому новый должник принимает на себя обязательство первоначального должника.

При этом п. 3 ст. 391 ГК РФ устанавливает солидарное исполнение обязанности нового и первоначального должника, предусматривая возможность установления субсидиарного исполнения обязанности новым должником или же освобождение первоначального должника от его обязанности. Нетрудно заметить, что в первых двух случаях речь должна идти о кумулятивном принятии долга, а в третьем случае – о привативном принятии чужого долга посредством договора между кредитором и новым должником.

Статья 391 ГК РФ исходит из того, что договор о переводе долга, по общему правилу, заключается между существующим должником и новым должником с согласия кредитора¹¹. Природа этого договора вызывает споры¹². На наш взгляд, договор о переводе долга есть абстрактный распорядительный договор, направленный на изменение обязанного лица, т. е. на изменение содержания требования¹³. В остальном требование сохраняет свою идентичность. Как правило, он заключается во исполнение основной каузальной сделки, в частности договора дарения (абз. 1 п. 1 ст. 572 ГК РФ), договора о совместной деятельности (ст. 1041 ГК РФ) или непоименованного договора. Изменение обязанного по векселю лица требует изменения содержания векселя, вследствие чего этот договор должен быть оформлен на самом векселе или прикрепленном к нему листе.

Поскольку в переводе долга можно обнаружить распоряжение требованием, принадлежащим кредитору¹⁴, закон предписывает получение согласия кредитора на перевод долга (абз. 1 п. 2

¹¹ Такая конструкция перевода долга предусмотрена и в § 415 BGB.

¹² О различных взглядах по данному вопросу см.: Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. 14. Aufl. München, 1987. Bd. 1. S. 603–605 mit Anm. 3; Fikentscher W., Heinemann A. *Op. cit.* S. 368–369.

¹³ Medicus D., Lorenz S. *Schuldrecht I. Allgemeiner Teil: ein Studienbuch*. 18. Aufl. München, 2008. S. 385; Grüneberg Ch. *Op. cit.* S. 600; Агарков М.М. Указ. соч. С. 119, 129; Павлов А.А. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Larenz K. *Op. cit.* S. 603–604.

ст. 391 ГК РФ). Ввиду этого договор о переводе долга иногда рассматривают в качестве трехсторонней сделки¹⁵. Но если должники, заключая договор, желают наступления правового последствия в виде изменения субъекта обязанности, то кредитор, одобряя сделку, изъявляет волю на вступление этой сделки в силу¹⁶. Поскольку волеизъявления кредитора и должников непосредственно направлены на различное правовое последствие, договор перевода долга нельзя считать трехсторонним. Согласие кредитора есть самостоятельное волеизъявление, нуждающееся в получении адресатом. Оно может быть адресовано обоим должникам или любому из них, что было бы невозможно при рассмотрении согласия как части договора о переводе долга. Согласие может быть предварительным (разрешение) и открытым (общим), т. е. кредитор заранее может разрешить должнику переводить его долг любому лицу или одному из нескольких заранее оговоренных лиц. Между тем эта допускаемая законом возможность не вписывается в рамки критикуемой конструкции¹⁷. В действительности согласие кредитора выступает в качестве односторонней сделки и, стало быть, подчиняется предписаниям гражданского законодательства о сделках¹⁸. По отношению к договору о переводе долга оно является дополняющей сделкой и имеет смысл только в связи с этим договором¹⁹.

¹⁵ «Договор о переводе является многосторонней сделкой, требующей соответствующего волеизъявления от старого и нового должника и от кредитора» (Гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М., 2006. Т. 3. С. 46 (автор главы – Е. А. Суханов)).

¹⁶ Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9 Aufl. München, 2004. S. 933.

¹⁷ Против трактовки перевода долга как трехсторонней сделки, правда с другой аргументацией, выступает А. А. Павлов (см.: Павлов А. А. Указ. соч. С. 52–54).

¹⁸ «Согласие кредитора есть односторонняя сделка» (Агарков М. М. Указ. соч. С. 119). А. А. Павлов называет согласие односторонней абстрактной сделкой, упуская из виду то обстоятельство, что абстрактными и каузальными могут быть только предоставления, к числу которых согласие не относится (Павлов А. А. Указ. соч. С. 55).

¹⁹ Larenz K., Wolf M. Op. cit. S. 933.

Как предписывает абз. 1 п. 2 ст. 391 ГК РФ, отсутствие согласия кредитора по предписанию влечет ничтожность соглашения о переводе долга.

Если кредитор дает предварительное согласие на перевод долга, этот перевод считается состоявшимся в момент получения кредитором уведомления о переводе долга (абз. 2 п. 2 ст. 391 ГК РФ), т. е. в случае дачи такого согласия перевод долга опирается на фактический состав, который включает в себя соглашение о переводе долга, предварительное согласие и уведомление кредитора.

Предварительное согласие (разрешение) может быть отозвано кредитором до получения уведомления о переводе вексельного долга. Напротив, последующее согласие (одобрение) нельзя взять назад – при получении согласия кредитора должником перевод долга считается состоявшимся²⁰. Закон не устанавливает формы для согласия, поэтому к этой сделке применяются общие предписания о форме сделок.

Применительно к вексельным обязательствам необходимо ответить на вопросы: чье согласие требуется на перевод вексельного долга? достаточно ли одного только согласия векселедержателя либо необходимо получить согласие и от потенциальных регрессионтов – трассанта, индоссантов и авалистов? При разрешении этого вопроса следует исходить из назначения согласия кредитора. Кредитору безразлично, кто будет должником в обязательстве. Поэтому от его желания зависит изменение обязанного лица. Закон защищает интересы надписателей с тем, чтобы положение этих лиц не могло измениться без их согласия. Так, в силу ст. 69 Положения о переводном и простом векселе при изменении текста векселя лица, поставившие свои подписи после этого изменения, отвечают в соответствии с содержанием измененного текста, а лица, поставившие подписи до этого, отвечают в соответствии с содержанием первоначального текста. Ввиду этого следует сделать вывод, что для полного перевода вексельного

²⁰ «Получивший одобрение договор о переводе долга вступает в силу. Кредитор не может своим отказом односторонне вернуть все в прежнее положение» (Агарков М. М. Указ. соч. С. 119).

долга²¹ необходимо согласие всех лиц, которые могут выступать кредиторами в регрессных вексельных отношениях против данного вексельного должника. Если же согласие получено только от настоящего кредитора – векселедержателя, то по аналогии применяется предписание ст. 69 Положения о переводном и простом векселе: новый должник будет обязан перед векселедержателем, давшим согласие на перевод долга, и перед его последователями; прежний должник отвечает в порядке регресса перед лицами, которые обязались до перевода долга²².

В соответствии со ст. 392 ГК РФ новый должник вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на отношениях между кредитором и первоначальным должником, но он не вправе осуществлять в отношении кредитора право на зачет встречного требования, принадлежащего должнику. Кроме того, на наш взгляд, новый должник не может ссылаться на обстоятельства, обосновывающие оспоримость сделки, на которой основан долг (например, новый векселедатель простого векселя лишен возможности ссылаться на то, что прежний векселедатель был вынужден выдать вексель remitенту под воздействием угрозы со стороны последнего)²³.

В отечественной цивилистике принято считать, что с переводом долга утрачивают силу обеспечения, установленные за должника²⁴. Ввиду этого при переводе вексельного долга утрачивают

²¹ То есть перевода, действующего в отношении всех векселеучастников.

²² Возникающие при этом расчеты между отчуждателем и приобретателем вексельного долга определяются каузальными отношениями между ними.

²³ «Оспоримость сделки вытекает не из содержания правоотношений между прежним должником и кредитором, а из порока самой сделки. Право оспаривать действительность сделки, совершенной под влиянием заблуждения, угрозы, и т. п., принадлежит лично старому должнику, как участнику сделки» (Агарков М. М. Указ. соч. С. 127).

²⁴ См., напр.: Трепицын И. Н. Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения. Общая часть обязательственного права. Варшава, 1914. С. 236; Иоффе О. С. Обязательственное право // Иоффе О. С. Избранные труды. СПб., 2004. Т. 3. С. 127.

силу общегражданское поручительство, данное за вексельного должника, если поручитель не дал согласия отвечать за нового должника (п. 2 ст. 367 ГК РФ). Поскольку авалист отвечает так же, как и тот, за кого он дал аваль (абз. 1 ст. 32 Положения о переводном и простом векселе), при отсутствии нового авалья авалист не отвечает за нового должника. Приведенные тезисы согласуются с законодательной новеллой – п. 2 ст. 392¹ ГК РФ, согласно которому если при переводе долга первоначальный должник освобожден от обязательства, обеспечение исполнения обязательства, предоставленное третьим лицом, прекращается, за исключением случая, когда такое лицо согласилось отвечать за нового должника.

Список использованной литературы

1. Fikentscher, W. Schuldrecht. 10 Aufl. / W/ Fikentscher, A. Heinenmann. – Berlin, 2006. – 740 s.
2. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М., 1950. – 416 с.
3. Larenz, K. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 9 Aufl. / K. Larenz, M. Wolf. – München, 2004. – 850 s.
4. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе // Избранные труды. – СПб., 2004. – Т. 3. – 837 с.

М. Ю. Бутнева

(Ярославский госуниверситет)
e-mail: mariyabutneva@yandex.ru

Новые доказательства как основание пересмотра вступившего в законную силу судебного акта

В статье рассматривается вопрос о возможности введения нового основания пересмотра судебного постановления, вступившего в законную силу, по правилам глав 42 ГПК РФ или 37 АПК РФ в виде такого обстоятельства, как представление новых доказательств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела.

Ключевые слова: новые доказательства; судебный акт; законная сила; обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела; «окончательное» судебное решение; принцип правовой определенности.

Как известно, в процессе действует правило, согласно которому суд, вынесший решение, сам не вправе его отменить. Данное правило направлено на обеспечение такого свойства судебного решения, вступившего в законную силу, как его исключительность. Исключением из указанного правила является производство по пересмотру судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся (или новым) обстоятельствам¹.

В рамках данной статьи автору хотелось бы остановиться на рассмотрении вопроса о возможности введения нового основания пересмотра судебного постановления по правилам глав 42 ГПК РФ или 37 АПК РФ в виде такого обстоятельства, как представление новых доказательств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела.

¹ См.: Опалев Р. К вопросу о «нетрадиционных» основаниях пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11. С. 23–26.

© Бутнева М. Ю., 2015

Действующее процессуальное законодательство не предусматривает появление новых доказательств в качестве основания пересмотра судебного постановления, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в абзаце 4 пункта 4 Постановления от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»² прямо указал, что «...представление новых доказательств не может служить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам по правилам главы 37 АПК РФ. В таком случае заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам удовлетворению не подлежит».

Приведенная позиция объясняется тем, что процессуальное законодательство, а вслед за ним и судебная практика³ разделяют понятия «доказательства» и «обстоятельства». Имеющие значение для дела обстоятельства, положенные в основу судебного решения, устанавливаются судом на основании доказательств, представленных участниками процесса, т.е. доказательства являются средством установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, подтверждают их наличие или отсутствие.

Данный вывод следует из взаимосвязанных положений следующих статей.

² Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. Аналогичное положение содержится в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2013. № 2.

³ См., напр.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 11.09.2013 по делу № 33-5845. URL: <http://oblsud.sar.sudrf.ru>; Апелляционное определение Омского областного суда от 22.01.2014 по делу № 33-342/2014. URL: <http://oblsud.oms.sudrf.ru>; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 01.07.2013 по делу № 33-2226/2013. URL: <http://vs.jak.sudrf.ru>.

Согласно части 1 статьи 55 ГПК РФ и части 1 статьи 64 АПК РФ, «доказательствами по делу являются ... сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела».

В соответствии с частью 1 статьи 56 ГПК РФ и частью 1 статьи 65 АПК РФ «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений...».

Положения части 4 статьи 198 ГПК РФ и пунктов 1–2 части 4 статьи 170 АПК РФ, раскрывающие требования, предъявляемые к содержанию судебного решения, предписывают, чтобы в мотивировочной части решения суда были указаны обстоятельства дела, установленные судом, и доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах.

Появление новых доказательств способно оказать влияние на фактическую сторону дела. На основании новых доказательств могут быть установлены как ранее неизвестные обстоятельства, так и обстоятельства, на которые лицо, участвующее в деле, ссылалось, но не могло представить доказательств в подтверждение своих доводов⁴. В обоих случаях это означает, что суд при рассмотрении дела установил не все обстоятельства, имеющие

⁴ По мнению С. С. Завриева, «...обнаруженные после вступления в законную силу решения новые доказательства представляют собой новые сведения об уже исследованных судом фактах, дополнительные сведения об их связи с другими фактами или об отдельных свойствах и признаках этих фактов, иными словами, все то, что уже было в какой-то степени затронуто и проработано судом. Вновь открывшиеся обстоятельства не являются новыми сведениями о юридических фактах. Они представляют собой существовавшие, но неизвестные сторонам юридические факты, обнаруженные после вступления в законную силу судебного решения и имеющие значение для правильного разрешения спора. Наличие подобных юридических фактов может привести к принятию такого судебного решения, которое будет соответствовать ст. 195 ГПК РФ» («Вновь открывшиеся обстоятельства» и «новые доказательства» в гражданском процессе // Законодательство. 2007. № 3. С. 67–70).

значение для его правильного разрешения. Поэтому судебное постановление подлежало пересмотру в порядке надзора.

Вместе с тем унификация норм ГПК РФ и АПК РФ, в том числе в части регулирования порядка осуществления проверки судебного акта в суде надзорной инстанции, вызывает сомнения в существовании возможности пересмотра решения (определения) суда в связи с появлением новых доказательств в порядке надзора.

Во-первых, срок обжалования судебного постановления в суд надзорной инстанции сокращен до трех месяцев со дня его вступления в законную силу (часть 2 статьи 391.2 ГПК РФ и часть 4 статьи 308.1 АПК РФ). Обращение с заявлением о восстановлении срока на подачу заявления возможно не позднее шести месяцев со дня вступления в силу последнего оспариваемого судебного акта (часть 5 статьи 308.1 АПК РФ).

Таким образом, если о существовании новых доказательств стало известно после истечения вышеуказанных сроков, надзорная жалоба будет возвращена без рассмотрения по существу (пункт 3 части 1 статьи 391.4 ГПК РФ ; пункт 3 части 1 статьи 308.3 АПК РФ). При этом других способов пересмотреть судебное постановление в описанной ситуации законом не предусмотрено.

Во-вторых, основанием отмены или изменения судебного постановления является нарушение (статья 391.9 ГПК РФ и статья 308.8 АПК РФ):

- прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ;

- прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов;

- единообразия в толковании и применении судами норм права.

Как видим, в случае появления новых доказательств решение суда нельзя обжаловать в порядке надзора ни по одному из перечисленных оснований.

Положения части 1 статьи 391.11 ГПК РФ закрепляют право Председателя Верховного Суда РФ или заместителя Председателя Верховного Суда РФ внести в Президиум Верховного Суда РФ представление о пересмотре судебного постановления в порядке надзора

в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на законность обжалуемых судебных постановлений и лишили участников спорных материальных или процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных ГПК РФ, в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, либо существенно ограничили эти права.

Полагаем, выявление факта установления судом не всех обстоятельств, имеющих значение для дела, в связи с появлением новых доказательств не является фундаментальным нарушением, предусмотренным указанной статьей. Более того, считаем, что в рассматриваемом случае речь не идет о судебной ошибке, под которой понимается виновное действие или бездействие суда, повлекшее принятие незаконного или необоснованного решения⁵.

Вины суда в том, что он установил не все обстоятельства, имеющие значение для дела, в этом конкретном случае нет. Суд не установил обстоятельства по причине отсутствия на момент рассмотрения дела доказательств, подтверждающих их наличие.

⁵ См.: Блажеев В. В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 61–72. См. также: Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 499, 508.

В юридической литературе существует мнение, согласно которому противоправность судебной ошибки объективна и вина не является ее обязательным признаком (См., напр.: Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов. 1985. С. 15–16; Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. Екатеринбург. 2008. С. 6, 14; Ее же: Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 28; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М., 2007. С. 732; Резуненко А. Н. Пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам как стадия гражданского процесса: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов. 2001. С. 12; Казгериева Э. В. Определение и анализ судебного правоприменения // Юрист. 2006. № 6. С. 8–9; Кушнир Г. А. Дискуссионные аспекты учения о судебных ошибках // Законодательство. 2007. № 10. С. 76–77).

Если бы суд знал о существовании доказательств, он принял бы другое решение. При этом выводы суда, сделанные в решении (определении) до появления новых доказательств, соответствовали доказательствам, представленным участниками дела в судебное разбирательство и установленным на их основе обстоятельствам.

Поскольку сложившаяся ситуация вызвана объективными причинами, не связанными с просчетами суда при производстве по делу, пересмотр судебного постановления, в законности и обоснованности которого возникли сомнения, на наш взгляд, возможен по правилам, предусмотренным в главе 42 ГПК РФ (37 АПК РФ).

На возможность пересмотра «окончательного», т. е. вступившего в законную силу судебного постановления в связи с появлением новых доказательств указывает Европейский суд по правам человека.

Провозглашая одним из основополагающих аспектов принципа верховенства права принцип правовой определенности, который требует, помимо прочего, чтобы в случае вынесения судами «окончательного» судебного решения оно не подлежало пересмотру (см., например, Постановление Европейского суда по делу «Брумареску против Румынии» (*Brumarescu v. Romania*) от 28 октября 1999 г., Reports 1999-VII, § 61)⁶, Европейский суд по права человека допускает возможность отклонения от этого принципа, если это необходимо при наличии существенных и бесспорных обстоятельств.

По мнению Европейского Суда по правам человека, приведенному в Постановлении от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная (Pravednaya) против России», к числу указанных обстоятельств может быть отнесено «представление доказательств, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства. Лицо, желающее отмены судебного решения, должно доказать, что оно не имело возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет значение для разрешения дела»⁷.

⁶ СПС «Консультант Плюс».

⁷ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная (Pravednaya) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5. С. 47, 76–83; Постановления Европейского суда по пра-

Следует отметить, что позиция Европейского суда по данному вопросу разделяется также Конституционным судом РФ в ряде постановлений⁸.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем:

1) внести изменения в названия глав 42 ГПК РФ и 37 АПК РФ, изложив их в следующей редакции: *«Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам либо в связи с представлением новых доказательств судебных постановлений (актов), вступивших в законную силу»;*

2) дополнить часть 2 статьи 392 ГПК РФ и часть 1 статьи 311 АПК РФ *пунктом 3, предусматривающим в качестве основания для пересмотра судебного постановления в рамках данного производства появление новых доказательств;*

3) ввести дефиницию «новых доказательств», согласно которой под **новыми доказательствами** понимаются *полученные в предусмотренном законом порядке, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела сведения о фактах, которые не были объективно доступны ни заявителю, ни суду на момент рассмотрения и разрешения дела.*

Список использованной литературы

1. Блажеев, В. В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций / В. В. Блажеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. № 11. – С. 61–72.

2. Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам : актуальные вопросы / Г. А. Жилин. – М., 2010. – 576 с.

3. Завриев, С. С. «Вновь открывшиеся обстоятельства» и «новые доказательства» в гражданском процессе / С. С. Завриев // Законодательство. – 2007. – № 3. – С. 67–70.

вам человека от 23 июля 2009г. по делу «Сутяжник (Sutyazhnik) против России» // Там же. 2010. № 3. С. 3, 114–120.

⁸ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 397 ГПК РФ в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и др.» // Российская газета. 2010. 2 апр.

4. Казгериева, Э. В. Определение и анализ ошибки судебного правоприменения / Э. В. Казгериева // Юрист. – 2006. – № 6. – С. 7–9.

5. Кушнир, Г. А. Дискуссионные аспекты учения о судебных ошибках / Г. А. Кушнир // Законодательство. – 2007. – № 10. – С. 74–81.

6. Опалев, Р. К вопросу о «нетрадиционных» основаниях пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражном процессе / Р. К. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 11. – С. 23–26.

7. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс : Особенная часть / Г. Л. Осокина. – М., 2007. – 960 с.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 397 ГПК РФ в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и др.» // Российская газета. – 2010. – 2 апр.

9. Постановления Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная (Pravednaya) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека : Российское издание. – 2005. – № 5. – С. 47, 76–83.

10. Постановления Европейского суда по правам человека от 23 июля 2009 г. по делу «Сутяжник (Sutyazhnik) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека : Российское издание. – 2010. – № 3. – С. 3, 114–120.

11. Резуненко, А. Н. Пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам как стадия гражданского процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Резуненко. – Саратов, 2001. – 22 с.

12. Терехова, Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. А. Терехова. – Екатеринбург, 2008. – 46 с.

13. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л. А. Терехова. – М., 2007. – 320 с.

М. А. Глазырина

(Ярославский госуниверситет)
E-mail: mashaglazirina@yandex.ru

Субъективная сущность правоприменительных и иных правоотношений

Рассматриваются теории интересов и ценностей, волевая и психологическая концепции правоотношений.

Ключевые слова: правоотношения, правоприменительные отношения, воля, интересы, ценности, установки.

В литературе существуют разнообразные теории правоотношений. Наиболее распространенной из них является, во-первых, «волевая» теория, основоположником которой считают Ф. Савиньи¹, во-вторых, теория «интересов», берущая свое начало в римской правовой системе («защита справедливых интересов свободных людей») и получившая наибольшее развитие в конце XIX века в немецкой юриспруденции. Одним из классиков данной концепции считают Р. Иеринга².

Большинство отечественных авторов (С. С. Алексеев, Н. Г. Александров, Ю. И. Гревцов, В. Н. Карташов, Н. И. Матузов, Р. О. Халфина и др.) рассматривают правоотношения в качестве волевых общественных отношений, которые урегулированы правом³.

Волевая природа любых правоотношений выражается в следующих свойствах: а) через соответствующие нормы права в них

¹ Калашян М. А. Анатомия воли и выбор ненационального права // Судебная власть. 2012. № 10. С. 6–12.

² См., напр.: Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. 300 с.

³ Подробнее см.: Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лекций: Правовые отношения и связи в юридической практике и правовой системе общества. Ярославль, 2000. Ч. 6. 72 с.

выражена воля «законодателя»; б) субъекты права при заключении, изменении и прекращении правоотношений обладают определенной свободой и автономией воли; в) реализация субъективных прав и субъективных обязанностей предполагает обычно сознательно-волевые действия и операции сторон; г) защита юридических и социальных ценностей (благ, услуг и т. п.) осуществляется при помощи волевых решений компетентных государственных и негосударственных органов.

Так, в сфере трансграничных правоотношений автономия воли нашла свое закрепление в одном из основополагающих актов в сфере коллизионного регулирования договоров – Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам, которая в дальнейшем была заменена Регламентом (ЕС) № 593/2008 от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»), в Базельских Резолюциях 1992 г., Межамериканской конвенции по праву, применимому к международным договорам 1994 г., в Брюссельской конвенции 1968 г. по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров (которая в дальнейшем была трансформирована в правовой инструмент ЕС – Регламент «Брюссель I»).

В последние годы достаточно активно происходит распространение действия автономии воли на иные сферы, отличные от права международных договоров, в частности внедоговорные обязательства (Регламент (ЕС) № 864/2007 от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)), семейным отношениям (Регламент (ЕС) № 1259/2010 от 20 декабря 2010 г. об осуществлении тесного сотрудничества в области права, подлежащего применению к расторжению брака и раздельному проживанию супругов без расторжения брака («Рим III»)).

Однако, как правильно отмечается в литературе, при характеристике волевой природы национальных и международных, а также правоприменительных правоотношений важно обратить внимание на три существенных момента⁴. Некоторые

⁴ Калашян М. А. Правовые отношения в сфере реализации междуна-

правоотношения могут возникать, существовать и прекращать свое действие вообще без участия воли одной (обеих) сторон либо вопреки желанию их участников (например, в процессе признания банкротств). Воля субъектов правоотношений может не совпадать, а порой и противоречить в определенной их части, а также противоречить воле третьих лиц. Например, в постановлении Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 № 12227/12 указано, что требование заявителя о признании недействительным решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности об удовлетворении возражения третьего лица и признании представления правовой охраны товарному знаку недействительным удовлетворено, поскольку заявителем представлены документы, подтверждающие факт производства им продукции, маркируемой спорным товарным знаком, а также доказательства, подтверждающие, что третье лицо маркировало свою продукцию чужим товарным знаком без лицензионного соглашения на его использование⁵.

Важно также установить, насколько субъекты правоотношений осознают и оценивают свои действия, соответствующие законы, нормы права, условия договоров, свои субъективные права и обязанности, моменты возникновения, прекращения и т. п. правоотношений, необходимость своевременной их реализации. Т. е. в подобных случаях анализом только автономии воли субъектов не всегда можно обойтись.

Поэтому в настоящее время «волевая теория» и «юриспруденция понятий» (*Begrivz jurisprudenzenz*) при анализе правовых отношений обсуждается зарубежными авторами преимущественно в контексте «юриспруденции интересов» (*Interessen jurisprudenzenz*) и ее современной разновидности – «юриспруденции ценностей» (*Wertungs jurisprudenzenz*). А. В. Асосков, например, отмечает, что в последние годы предпринимаются также активные попытки

родного частного права (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2014. 28 с.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 г. по делу № 12227/12. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_pres/1_1_cd0778b7-709b-45e1-a18e-9cd11a6439ab.html (дата обращения: 12.03.2015 г.)

объяснения основных проблем частного права через инструментарий «экономического анализа права» (Law&Economics), что особенно характерно для американской доктрины частного права⁶. К сожалению, достижения зарубежной юридической науки до сих пор мало известны в России и в других странах СНГ.

В этом плане приятным исключением являются некоторые изменения, внесенные в часть третью ГК РФ. Например, как и предлагалось авторами «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации» 2009 г.⁷, ФЗ от 30.09.2013 г. № 260-ФЗ расширена автономия воли сторон (в соответствии с их интересами) по выбору применимого права к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения. Так, согласно указанным изменениям п. 1. ст. 1223.1 предусматривает возможность выбора сторонами по соглашению между собой права любой страны (а не только права страны суда, как это предусматривалось прежде) к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения. Следует отметить, что законодательно обеспечивается также учет интересов третьих лиц, поскольку выбранное сторонами право в дальнейшем будет применено без ущерба для прав третьих лиц (абз. 2, п. 1. ст. 1223.1).

Отметим, что положение Концепции о предоставлении субъектам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, возможности выбора права, применимого к обязательствам вследствие причинения вреда, путем заключения соглашения до момента совершения действия или наступления иного обстоятельства, послужившего основанием для требования о возмещении вреда, не нашло отражения в действующей редакции ГК РФ. Выбор права сторонами в данном случае предусматривается лишь после

⁶ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 53 с.

⁷ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение.

На наш взгляд, теории «воли», «интересов» и «ценностей» и др. дополняют друг друга при регулировании частных отношений. Этот вывод должен учитывать любой правоприменитель при решении спора между сторонами и вынесении решения по делу.

Однако при анализе правоприменительных отношений соответствующие теории и их категориальный аппарат представляются слишком узкими.

Анализ взглядов юристов (С. И. Архипова, Е. А. Белканова, В. Н. Кудрявцева, Г. В. Мальцева, Н. Я. Соколова и др.), занимающихся проблемами правосознания, а также представителей философских, психологических, социологических и других наук (Б. Г. Ананьева, П. К. Анохина, А. Г. Асмолова, Л. М. Веккера, В. Вундта, Л. С. Выготского, Ю. Галантера, А. В. Карпова, Ю. Козелецкого, О. А. Конопкина, Э. Кэрла, Д. Майерса, А. Маслоу, Дж. Миллера, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиарже, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, Г. В. Суходольского, В. Д. Шадрикова, О. К. Тихомирова и др.) привел нас к следующим выводам.

К внутреннему (идеальному, субъективному) компоненту относится не просто правовое сознание, воля (осознание сторонами своих интересов и т. п.), а механизм деятельности субъектов и участников всех правоотношений, который (механизм) включает следующие блоки: а) сбор и обработку фактической и правовой информации; б) программно-целевой блок (цели, программы, планы, прогнозы); в) мотивационный (интересы, мотивы, установки); г) энергетический (внимание, воля, эмоции); д) блок личного опыта (способности, знания, навыки, умения, мастерство, привычки); е) оценочный (мыслительные и эмоциональные оценки, которые проявляются в суждениях, умозаключениях и т. п.); з) блок принятия интеллектуального и рационального решения и его реализации (анализ информации и построение идеальных образов, формирование и сопоставление эталонных и текущих образов и их коррекция, выбор и построение гипотез и пр.)⁸.

⁸ Психологический механизм правового поведения личности / под науч. ред. В. Н. Карташова. Ярославль, 2011. 184 с.

Все элементы психического механизма правового поведения субъектов и участников правоприменительных отношений будут иметь определенное юридическое значение и оценку лишь тогда, когда они получают внешнее выражение в их конкретных практических действиях, результатах, юридических и иных социальных последствиях.

Подобный инновационный подход к субъективной стороне правоприменительных и иных правоотношений требует дальнейшего глубокого и всестороннего исследования, которому будут посвящены наши следующие работы.

Список использованной литературы

1. Калашян, М. А. Автономия воли и выбор ненационального права / М. А. Калашян // Судебная власть. – 2012. – № 10 (159). – С. 6–12.
2. Иеринг, Р. Интерес и право / Р. Иеринг. – Ярославль, 1880. – 300 с.
3. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций : Правовые отношения и связи в юридической практике и правовой системе общества / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2000. – Ч. 6. – 72 с.
4. Калашян, М. А. Правовые отношения в сфере реализации международного частного права : (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Калашян. – Ереван, 2014. – 28 с.
8. Психологический механизм правового поведения личности / под науч. ред. В. Н. Карташова. – Ярославль, 2011. – 184 с.

Сведения об авторах

Бутнев Виктор Вадимович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Бутнева Мария Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Глазырина Мария Анатольевна – аспирантка кафедры теории и истории государства и права ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Мотовиловкер Евсей Яковлевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Парамонова Анастасия Евгеньевна – магистрантка 1 курса направления «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» ЯрГУ им. П. Г. Демидова?.

Поваренков Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Роднова Ольга Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, заместитель декана вечернего отделения ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Чуваков Вадим Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Оглавление

Бутнев В. В. Гражданско-правовая ответственность и «смежные» правовые категории.....	3
Поваренков А. Ю. Теоретические заметки о природе и сущности юридической ответственности.....	15
Роднова О. М. Последствия нарушения корпоративного договора акционеров.....	32
Парамонова А. Е. Общие положения о недействительности сделок в новеллах ГК РФ: некоторые проблемные вопросы.....	42
Мотовиловкер Е. Я. Проблема определения гражданского права требования.....	54
Чуваков В. Б. Регламентация действия договора уступки в обновленном Гражданском кодексе РФ.....	65
Грачев В. В. Изменение вексельного должника.....	79
Бутнева М. Ю. Новые доказательства как основание пересмотра вступившего в законную силу судебного акта.....	88
Глазырина М. А. Субъективная сущность правоприменительных и иных правоотношений.....	96
Сведения об авторах	102

Научное издание

Проблемы гражданского права и процесса

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Редактор, корректор Л. Н. Селиванова
Верстка Е. Б. Половковой

Подписано в печать 03.07.15. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 5,0.
Тираж 70 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань».
г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.
Тел. (4852) 982705,
pechataet@bk.ru